

*А. Рафтоиуло
В. Королёв*

**СЫН
ДОНЕЦКОЙ
ЗЕМЛИ**

Как-то ребята, обстреливая камнями через овраг окопавшихся «беляков», заметили, что от тех отделился один отряд и скрылся за домами. Похоже, что-то замышлялось. Но что?

— Хлопцы! — обратился командир Колька Титок к своему «войску». — Надо пронюхать, чего они там затевают. Кто пойдет?

— Я! — раньше всех отозвался Саша и выбежал вперед.

— Ты? — Титок усмехнулся. — Куда тебе: от горшка два вершка.

— Пускай смотается. Я за него ручаюсь, — поддержал братишку старший Бурда.

— Ручаешься?

— Как за себя.

— Ну, ладно. Крой, Бурденок. Только, чтобы одна нога здесь, другая там. Попадешься — пеняй на себя.

— Это я-то попадусь? Не дождутся. — Саша деловито шмыгнул носом и колобком покатился в сторону своей улицы.

Минут черед пятнадцать наблюдатели заметили какую-то маленькую девчонку, во всю прыть летевшую к ним от дамбы напрямик, по дождевым лужам.

— Идут! Идут! — кричала она, размахивая руками и спотыкаясь.

— Да ведь это Сашка! — первым узнал своего брата Алексей. — Ты глянь, когда он успел девчонкой нарядиться?

Забрызганный с головы до ног, с трудом переводя дыхание, но весело сверкая темно-серыми глазенками, Саша показывал рукой назад:

— Вон там, за греблей, низом сюда идут! У всех — длиннющие хворостины.

— Не хворостины, а пики, — назидательно произнес Колька. — А ты силен! Где такую одежду достал?

— Достал... Это соседской Маньки платьишко. Сама дала. Все равно, говорит, старое, рваное. Матка, говорит, на тряпки пустить хочет... Ну, надел, гляжу: в самый раз.

— Правильно смозговал, — заключил командир. — Значит, сделаем так: хай они лезут к нам, а мы сейчас махнем через мосток, прямо на их сторону. Заберем в плен кого они там бросили и вернемся вкруговую. Оставим «беляков» с носом. Пошли, братва!

В тот вечер «противник» потерпел полный разгром. Так проходили дни за днями.

Но вот однажды зимой в городок с диким гиком и свистом ворвались белобандиты-шкуровцы.

Мать торопливо спрятала ребят на чердаке. Ночью к дому подскакали верховые. Через щель в крыше мальчишки увидели, как четверо вооруженных увели из дому больного отца. А через несколько дней, случайно проходя по посадке близ железной дороги, мать неожиданно натолкнулась на полузанесенный снегом труп мужа.

Кто мог измерить горе шахтерской семьи?

Гибель отца особенно потрясла восьмилетнего Сашу. Обычно живой и подвижный, как вьюн, он сразу при-смирел, стал задумчивым и взрослел у всех на глазах. От прежней его беззаботности не осталось и следа.

Алексей, которому шел уже одиннадцатый год, как-то сказал:

— Я пойду в мастерскую, буду учиться слесарить.

— Я тоже пойду, — подхватил Саша. В самом деле, велика ли беда, что он младше Алексея? Вовсе не такой уж он и маленький, как думают. Но он знал, что о ма-

стерской ему нечего и помышлять. А может, дед Игнат возьмет в подпаски?

Так и вышло: дед Игнат не отказал.

Три лета мальчик пас коров, а зимой ходил в школу.

Кроме Саши было еще двое подпасков. Все постарше его и повыше ростом. Но когда ребята собирались вместе и затевали в поле состязания в ловкости и смелости, то с крепышом Сашей сравниться никто не мог. Состязались так: каждый по очереди, уцепившись за хвост самой злой лошади, заставлял ее брыкаться, а сам при этом старался не выпустить хвоста из рук. Кто удерживался дольше всех, тот и был «первый казак».

Верткий и цепкий, Саша умел мгновенно прилипнуть к коню сбоку, и как только тот вскидывал круп, мальчик подскакивал. Как ни крутится, ни взбрыкивает конь, отчаянный пастушок лишь покрякивает на него: — давай! давай! — да горящими от азарта глазами поглядывает на товарищей, оставаясь неуязвимым.

Для других это далеко не всегда сходило благополучно. Слава «первого казака» неизменно сопутствовала маленькому Бурде.

Но все это время его неотступно тянуло туда, где работал брат, где люди имели дело со всякими загадочными машинами.

И пришел день, когда его мечта сбылась. Саша переступил порог электромеханической мастерской шахты № 15.

— Только ты смотри, — с важностью заправского рабочего предупреждал братишку Алексей, — не опозорь. Не хнычь, если будет туго, понял?

— Знаю, чай не маленький. — В глазах у Саши светилась такая решимость, такое непреклонное упорство, что не оставалось никакого места для сомнений в будущих его успехах.

Саша попал в ученики к старому слесарю Борису Петровичу Бондареву, у которого обучались еще двое ребят, принятых месяцем ранее: Василий Ложин и Федор Никонов. С первого же знакомства они всячески пытались подчеркнуть перед новичком свое превосходство.

— Слышь, — подсмеивались они, — а ты драчевкой резьбу нарезать умеешь?

Но Саша хладнокровно пропускал насмешки мимо ушей. Он с затаенным дыханием следил за работой мастера, старался во всем перенимать его рабочую хватку.

Борис Петрович сразу отметил любознательность, пытливость паренька.

— Ты, Сашко, не спеши, — говорил мастер, — вклевайся в дело постепенно.

Чего только не поступало в мастерскую для ремонта. Электромоторы, насосы, паровые котлы и их арматура, рубильники, электросверла, всякие заглушки, трубы, лебедки, — да разве все перечислишь? Здесь для слесаря нужен был большой опыт. А добыть этот опыт — дело нелегкое.

И Саша Бурда не жалел для этого ни сил, ни времени. Частенько бывало так: его напарники, закончив работу, давно уже гоняют на пустыре футбольный мяч, а маленький Сашко, несмотря на свой сокращенный рабочий день, все возится и возится с какой-нибудь машиной.

— Ты чего? Хочешь, чтобы мне за тебя влетело? — напускался на него Борис Петрович. — Не знаешь, что твой рабочий день кончился? Марш домой!

— Постойте, дядя Боря, — не отрываясь от дела, просил ученик. — Вот только посмотрю, как крепятся щетки коллекторов, и все.

— Да тебе рано еще это знать! Куда скачешь?

— Как рано? Ведь вы знаете?

— Знаю. Так что?

— Вот и я хочу знать.

— Экий ты, брат, настырный. Что мне с тобой делать? Ну, ладно, давай разберемся.

И мастер, в глубине души довольный усердием ученика, принимался растолковывать ему устройство и работу электрической машины.

Через четыре месяца бывший пастушок блестяще сдал экзамен на слесаря второго разряда. Напарники же, не освоив положенной программы, по-прежнему оставались в учениках.

— Вот ты и получил рабочую прописку, — напутствуя Сашу, говорил Бондарев. — Смотри, Александр Федорович, старайся и станешь мастером первой руки. Голова у тебя ясная, и нашенская рабочая удаля есть. И помни отца. Всегда помни, чей ты сын.

«Александр Федорович!» Учитель назвал его по имени и отчеству! Что может сравниться с сознанием собственного достоинства, впервые пришедшего к подростку?

...Работая вместе, Александр и Алексей получали все более и более ответственные задания.

В те времена почти не было никакой механизации угледобычи. Если кое-где и применялись врубовые машины, то, как правило, — импортное разнотипное старье. Никто не мог так быстро налаживать и пускать в ход эти врубовки, как молодые слесаря-братья. В дни отдыха и в праздники, когда все шахтеры гуляют, братья спускаются в шахту и с утра до поздней ночи ремонтируют механизмы, чтобы могла без задержек, полным ходом идти добыча угля. Горнякам нужна была уверенность, что капризные «Эйкгоффы» да «Сулливаны» не

подведут и не останются в самый ответственный момент. И у всех неизменно рождалась такая уверенность, как только в шахте побывают Александр и Алексей.

Шахтеры крепко полюбили их за постоянную готовность прийти на помощь. Стоило только сказать: «Саша, выручай», и Александр один или вместе с братом уже спешит на место, ремонтирует, налаживает, смазывает и тут же сам проверяет в работе агрегат или механизм.

Часто доводилось вскакивать с постели и мчаться на вызов среди ночи.

— Придется прятать вас на чердаке,— шутила мать, не скрывая своей гордости за сыновей.

— Нет, мать, мы не из таких,—отвечал Александр, на ходу одевая спецовку. —Отлынивать да прятаться не в нашей крови.

В один из таких вызовов требовалось разобраться в причинах отказа в работе «Сулливана». Что-то случилось с фрикционом. Но что именно? После долгих и безуспешных поисков неисправности Алексей предложил:

— Давай-ка вытащим фрикцион в мастерскую. Там будет легче разобраться

— А время? — возразил Александр.— Это же сколько времени уйдет. А мы и так заковырялись. Найдём на месте. Ролики мы не проверяли?

— Нет. Да они ж почти никогда не подводят.

— А все-таки давай взглянем.

Оказалось, действительно сработались ролики вилки фрикциона. Их заменили, установили нужный зазор, и машина пошла.

Усталые, но глубоко удовлетворенные, братья покидали шахту.

К началу 1927 года шестнадцатилетний Саша сдал экзамен на слесаря седьмого разряда. Вместо трех корпусов шахтерских ламп, изготовление которых предусматривалось условиями экзамена, он за отведенное время сделал пять, успев начистить и отполировать их, что называется, до зеркального блеска.

А сколько разнообразных увлекательных дел ждало Александра вечерами! Осоавиахимовский стрелковый кружок, драмкружок при клубе «Синема», любительский оркестр.

Он успевал учиться в вечерней общеобразовательной школе и помогать матери по хозяйству. Мог такие испечь пышки, что в пору поучиться иным хозяйкам. Все горело в руках Саши.

— Бедовый, моторный парнишка! — с уважением отзывались о нем жители городка...

В 1929 году страна приступила к выполнению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. Партия взяла твердый курс на индустриализацию. Началась планомерная механизация шахт. Стали появляться отечественные врубовые машины, погрузочные конвейеры. Роль технических кадров возрастала не по дням, а по часам. Александр к этому времени был уже во главе бригады слесарей.

В ту пору выпало ему встретиться с дочкой казака Юрченко, переселившегося в Ровеньки из станицы Ольгинской. Девушку звали Аней. Тоненькая, как стебелек, непоседливая и отчаянно-озорная, она пришла по душе Александру.

Кино, танцы, совместные занятия в драмкружке, долгие ночные прогулки в городском саду, первое объяснение в любви — и вот большой, серьезный разговор с отцом Анечки.

Летом 1930 года сыграли свадьбу.

*Мать А. Ф. Бурды с его сыном Женей
и племянницей Юлией.*

Спустя два года Александра Бурду назначают руководить курсами механизаторов. И новой трудной деятельностью он отдает все силы своей души.

А вскоре в жизни Александра происходит огромное радостное событие: его принимают в ряды Коммунистической партии.

Молодой коммунист не жалеет времени, вдохновенно работая до поздней ночи, передавая будущим специалистам весь свой технический опыт.

Прошло немного времени, и курсы завоевали первенство в соревновании. Так они и оставались лучшими курсами механизаторов в Донбассе вплоть до осени 1933 года, когда Александру Бурде подошла пора призываться в армию.

АРМЕЙСКИЕ БУДНИ

За рычагами управления дозорного танка сидит Александр Бурда. Ночь безлунная, небо затянуло тучами. Без света фар машина движется, окутанная густым мраком. Где-то в километре позади — колонна танковой роты, составляющая походную заставу...

Род войск Бурда выбрал давно и потому на призывной комиссии сразу попросил направить его в танковую часть. И вот, неделю назад, он вместе с товарищами закончил курс подготовки в учебном танковом батальоне.

Курсанты батальона готовились по одной из специальностей танкового экипажа. Но для Александра этого было мало. «В танке надо уметь выполнять любые обязанности», — говорил он и упорной учебой добился того, что сдал экзамены на командира машины, механика-водителя и стрелка-радиста. Командир батальона

перед строем приколот к его груди значок «Отличник РККА».

А сейчас Бурда впервые участвует в больших ответственных учениях. Внимательно и сосредоточенно следит он через смотровую щель за полоской размытой дождями полевой дороги, с опаской поглядывает на темнеющие справа и слева провалы оврагов. Здесь уж не зевай, не то слетишь с обрыва и ахнуть не успеешь.

А вообще управлять танком — одно удовольствие. Послушная грозная боевая машина мчится вперед, покачиваясь, будто катер в открытом море. И такая радость в сердце, что петь хочется. Но петь некогда. За дорогой смотри, передачи переключай, показания приборов контролируй.

Судя по спидометру, скоро появится речка Журлейка. К ней торопится и «противник». Как побыстрее в такую распутицу перескочить на противоположный берег? Мост-то навряд ли уцелел. А речка хоть и неказистая, узенькая, но глубокая, с крутыми берегами. Тут засесть — проще простого.

— Вошли в дефиле¹. Спускаемся к речке, — доложил Бурда по переговорному устройству командиру машины своему другу Ивану Агееву.

— Понял! — прозвучало в наушниках. — Брод искать правее моста. По карте — метров двести.

Бурда знал: задача походной заставы — захватить плацдарм на противоположном берегу Журлейки и обеспечить переправу своих главных сил. Если это не будет сделано, значит, может сорваться выполнение задачи и главными силами. Потому, конечно же, командиру заставы сейчас как воздух нужны хоть какие-нибудь данные о «противнике», чтобы точно рассчитать

¹ Узкий проход, лощина.

свои действия. И эти данные он ждал прежде всего от дозорного танка.

Бурда поддерживал малые обороты двигателя, стараясь спуститься к реке по возможности бесшумно.

У границы лощины он остановил танк, чтобы лучше осмотреть подступы к водной преграде. Внезапно, откуда-то справа, взвилась ракета, вырвав из темноты опоясанную высотами низину с отрезком Журлейки и два щита противотанковых пушек, примостившихся у подножия холмика.

«Высматривают нас, а показали себя. Как раз возле брода ждут,—прикинул Александр.—Умно, умно».

Осмотревшись, он не обнаружил моста. Лишь виднелись чуть выступающие у берегов две пары столбовсвай. Ракета, описав дугу, с шипением врезалась в мутный бурлящий поток. Снова надвинулся мрак. С лихорадочной быстротой работала у Александра мысль.

«Как быть? На что решиться? А если бы это случилось на войне? Что бы ты сделал? Интересно, мост они держат под огнем или нет? Вряд ли. Ведь он непригоден, разрушен. А ведь столбики как раз по ширине колеи и по ширине гусеницы»...

— Командир! — торопливо информирует он Агеева. — Справа у брода две пушки. Иду прямо по столбикам. Там ударим по засаде во фланг. Согласен?

— А пройдешь? — с тревогой в голосе спрашивает Агеев.

— Постараюсь!

— Ну, действуй!

Теперь главное — правильно нацелить в темноте гусеничные ленты на два первых столбика. «Самый-самый малый ход. И смотреть, смотреть во все глаза, — сам себе приказывал Александр. — Так. Вот и речка. Ага, вижу два столбика посередине. Значит, должны

быть и остальные на месте. Только бы поточнее навести на первый столбик правую гусеницу. Поточнее навести правую, тогда и левая не пройдет мимо своей опоры. Так, так... Следить за одной правой гусеницей. Она от моего сидения на расстоянии полуметра. Настолько же надо держать от себя и столбик. А вот и он. В створе с ним и остальные два: один посередине речки, другой у того берега. Ну, не промахнись. Так... теперь точно, гусеница направлена точно. И больше не дергать рычаги поворота. Иначе — загудишь на дно».

А. Ф. Бурда (1934 г.).

Танк слегка опустился носом и, нащупав ближние опоры, двинулся через реку. Безошибочно переступая в воде со столбика на столбик, передние ветви гусениц зацепились за другой берег. И в этот момент Бурда уловил едва заметное смещение кормы влево. Он почувствовал каждой своей клеткой, как прошибает его холодный пот.

«Ну... ну... подержись еще немножко... Надо продвинуться хотя бы на полметра... Еще на полметра... Так!.. Хорош!»

Александр утопил ногой педаль подачи топлива, машина резко рванула вперед, выдернув корму из воды.

Когда снова взлетела ракета, дозорный танк на полной скорости уже огибал прибрежные холмики, захо-

дя с тыла к огненным позициям противотанковых пушек. «Противник» понял это слишком поздно. От танка не было спасения.

Агеев тут же доложил по радио командиру походной заставы, что путь через брод свободен. А Александр уже выводил свою боевую машину к гребню высот, чтобы оттуда экипаж мог наблюдать за подступами со стороны «противника».

Так инициативные, умелые действия Александра Бурды облегчили выполнение задачи целому подразделению.

Спустя год сержанта Бурду перевели в бригаду тяжелых танков. Такие бригады только что начали создаваться, а люди для них отбирались персонально.

В новом гарнизоне, неподалеку от воинского городка, поселилась и семья Александра: Анна Ивановна с пятилетним сынишкой Женей.

Когда подходил к концу последний год службы, у Бурды все более и более определенно складывалось решение остаться на сверхсрочную.

— Понимаешь, Аня, — говорил он жене, — привык я к своим ребятам. Чувствую, не смогу жить без них, без армии. Ты же знаешь, какой народ танкисты? Кремень. Ни в службе, ни в дружбе не подведут.

Анна Ивановна и сама видела: по-настоящему полюбила мужу армейская жизнь. А как радуется Женька, когда видит на параде своего папу, стоящего в башне огромного танка в шлеме, в новенькой, поблескивающей на солнце, кожаной куртке.

— Что ж, Саша, раз тебе сердце велит, оставайся. Если когда и будет трудновато — переживем. Нам не привыкать.

— Молодчина ты у меня, — весело улыбнулся Бурда. — Значит, решено.

...Три года сверхсрочной службы, курсы по подготовке среднего командного состава — и вот Александр в 1940 году уже лейтенант, командир танкового взвода в городе Станиславе, расположенном недалеко от границы. А в следующем году весной как передовика боевой подготовки его выдвигают на должность командира роты.

Александр знал, что солдаты хотят видеть в своем командире прежде всего образец личной боевой выучки. Потому знакомство с новыми людьми он начал с того, что построил роту в спортивном городке и объявил:

— Показываю, как должен каждый из вас работать на спортивных снарядах.

Русоволосый, коренастый, подтянутый, с мальчишески озорной улыбкой на лице, он держался перед подчиненными по-товарищески просто и сразу расположил к себе солдат.

Сняв ремень, он расстегнул две пуговицы на вороте гимнастерки и чеканным шагом подошел к параллельным брускам. Четко и красиво, казалось, без всяких усилий, выполнил он упражнение. Потом поочередно проделал комплекс упражнений на турнике, поднялся с «углом» по канату, ласточкой перелетел через коня.

— Всем понятно? — разгоряченный, с румянцем на щеках, обратился он к воинам.

— Да нам для этого лет пять учиться надо, товарищ командир, — шутливо отозвался кто-то из строя.

— Ровно через два месяца приму зачеты. И имейте в виду — ни для кого никаких скидок.

Потом он привел роту на танкодром, сел за рычаги танка Т-28, показал, как правильно и с минимальной

затратой времени преодолевать противотанковые препятствия. На стрельбище продемонстрировал искусство поражать мишени первым выстрелом. Затем молодой лейтенант сказал:

— Ставлю задачу: к концу учебного года добиться, чтобы наша рота завоевала в боевой подготовке звание отличной. А для этого каждый должен стремиться стать отличником учебы и образцово нести службу.

Вечером в казарме долго не прекращались разговоры, не стихал шум.

— Ну, братцы, а лейтенант силен!

— Да, мастер на все руки.

— Спуску ни в чем не даст.

— С таким ротным не пропадешь...

Однажды, возвращаясь в зимний лагерь после учений, танк Бурды застрял в глубокой яме, наполненной водой.

Командир, ни слова не говоря, прыгнул на землю, отошел в сторонку и присел на пень. Экипаж суетился вокруг машины.

Рядом с лейтенантом остановился тягач.

— Помочь, Александр Федорович? Дернуть? — спросил сидевший в тягаче помпотех батальона.

— Спасибо. Обойдемся. Как залез, так и вылезет. Пускай ребята покумекают. Пригодится.

Тягач ушел, а экипаж, сняв с крыльев машины припасенные на такой случай бревна и закрепив их спереди на гусеничных цепях, после нескольких неудачных попыток все же вытащил танк без посторонней помощи.

— Ну, что? Порядок в танковых войсках? — подошел лейтенант к механику-водителю Боровику, засадившему машину.

— Порядок, — смущенно ответил тот, вытирая рукавом грязь с лица.

— То-то. А новые бревна потолще заготовьте. Для надежности.

— Есть, товарищ лейтенант.

Как-то вечером в зимнем лагере Бурда вошел в палатку к батальонному фельдшеру.

— Хочу предупредить: завтра наша третья рота живет без воды.

— Как без воды? — удивленно подняла брови женщина-военфельдшер.

— Так. На снегу. Будем водичку из снега добывать. И для питья, и для пищи.

— Что за фантазия? А за желудочные заболевания мне отвечать?

— Ничего не случится. Все беру на себя.

— Смотрите. Я доложу начальнику медпункта. На себя ответственность за такие эксперименты брать не собираюсь. Вы рискуете. Серьезно говорю.

— Рискую? А как во время финской наши бойцы по нескольку дней без воды сидели? Снежком обходились. И ничего. Мы тут — в первом эшелоне.

Рота без каких-либо осложнений прожила сутки, целиком заменив воду снегом.

Бурда приучал своих танкистов к ночным маршам, ночным атакам, учил без промаха стрелять при ограниченной видимости, добивался полной взаимозаменяемости внутри экипажей.

Сам же он отдельно занимался с теми, кто слабее подготовлен. В свободное время тренировал каптенармуса роты Ивана Любушкина, очень хотевшего стать стрелком-радистом.

Старательный и настойчивый солдат в короткий срок стал специалистом высокого класса. Меткой стрельбой из танкового оружия Любушкин впоследствии прославился на весь полк.

Так в круговороте больших и малых дел, в каждодневной целеустремленной работе с людьми шла у молодого командира роты хлопотливая армейская служба.

ВОЙНА

Раннее утро 22 июня сорок первого...

Топот солдатских сапог на крыльце дома, торопливый стук в дверь:

— Тревога!

Вскочить с постели и собраться по-боевому — на это Александру потребовалось меньше минуты.

— Не беспокойся, Аня. Это учения, — сказал он с твердой уверенностью. — Долго не задержимся. Смотри за малышами.

Осторожно поцеловав спящих детей, — сына Женю и совсем еще крохотную дочку Светлану, — он помчался в военный городок. Оттуда, в составе полка, повел танки в район сбора, под Черновицы. Расстояние — более ста пятидесяти километров. В пути, по радио, из обращения Советского правительства к народу танкисты узнали о нападении фашистской Германии.

«Та-ак! Это уже зарвался... Совсем зарвался Гитлер, — повторял про себя Александр. — Зарвался... Ну, тут и будет тебе конец».

Неподалеку от района сбора колонну обнаружили вражеские бомбардировщики. Со свистом и воем обрушиваются бомбы. Параллельно шоссе вытягивается линия черных воронок. Машины увеличивают дистанции, идут перекатами от укрытия к укрытию, и это позволяет избежать потерь.

В назначенном месте, возле села Заставны, танки

рассредоточиваются в садах, занимают круговую оборону. Александр вместе с политруком роты Сергеем Винником быстро обошел позиции боевых машин.

— Сколько у вас сейчас боеприпасов? Три комплекта? — спрашивает он командиров взводов. — Так вот, выбросить «НЗ» продовольствия и добавить по два боекомплекта снарядов. Без хлеба и консервов можно продержаться неделю и больше, а вот без снарядов и часа не повоюешь.

— Тогда и нижний люк заложить придется снарядами, товарищ старший лейтенант. (Звание старшего лейтенанта Бурда получил незадолго перед войной).

— Закладывайте. Потом расходовать их в первую очередь.

Сколько неясностей возникало в эти первые военные дни у командиров и солдат! Сколько вопросов роилось у каждого в голове! Александр не находил себе места ни днем, ни ночью. «Почему вторые сутки стоим без дела? Почему не посылают в бой? И что в Станиславе? Как там семьи? Как Аня с детишками?» — тревожно спрашивал он себя.

В полку никто ничего не знал толком. Связь со штабом дивизии прервалась и установить ее не удавалось. А в небе, волна за волной, шли в глубь нашей страны фашистские самолеты. В отдалении полыхали пожарища. Наконец поступил приказ. Предстояло уходить за Днестр, на восток.

Теперь уже начинало выясняться, что события развиваются для нас неблагоприятно и что война будет, видимо, долгая и тяжкая.

«Ну, а как же все-таки Станислав? Выбрались там наши или нет?» — Бурда чувствовал, как свинцовой тяжестью наливается сердце, как в груди неукротимо поднимается ненависть к врагу.

А в это время Анна Ивановна, не успев уехать с первым эшелонам, «штурмовала» второй, переполненный семьями летчиков и пограничников. Она забросила в окно вагона свой небольшой узел — единственное, что удалось прихватить с собой, — и влезла в окно сама. Потом, по одному, втянула в вагон детей. Полуголодная, под бомбежками и обстрелами, она все же добралась до Ровенек и спасла детей. А позднее пришлось эвакуироваться еще дальше, на Северный Кавказ.

...За Каменец-Подольском для танкистов началась новая полоса испытаний. Обстановка менялась настолько быстро и резко, что приказы старших начальников безнадежно устаревали, еще не успев дойти до командиров-исполнителей. Порою одно и то же подразделение в течение дня по нескольку раз перебрасывалось в прямо противоположных направлениях. Командиры батальонов и рот, в сутолоке отступления постоянно отрывавшиеся друг от друга, терявшие связь между собой и с командиром полка, нередко предоставлялись сами себе.

Бурда каждый раз с досадой скрежетал зубами, когда получал команду на очередной, бессмысленный, как ему казалось, отход.

— Так все машины размочалим, пока дело дойдет до боя, — сказал он однажды своему другу, заместителю командира четвертой роты лейтенанту Константину Самохину. — Ну, не преступление ли вот так колесить без толку, а?

И он, где мог, начал в отдельных случаях действовать сам, предварительно получив разрешение командира батальона. Увидел как-то остановившуюся у опушки леса колонну вражеских танков, от которой взвились в направлении наших войск две зеленые ракеты. «Сиг-

нал своим самолетам дают. Ну, мы им это дело подправим», — решил Бурда, заряжая ракетницу.

Когда «юнкерсы» с тяжелым гудением приблизились к своей колонне, Александр выпустил в направлении опушки одну за другой две зеленые ракеты. Убедившись, что бомбардировщики принялись пикировать на собственные танки, командир роты спокойно двинулся дальше по маршруту.

Старшего лейтенанта Бурду в эти дни особенно возмуцало одно несуразное приказание, переданное по радио, как говорили, из штаба дивизии: «По одиночным самолетам не стрелять».

Видимо, предполагалось, что войска не должны выдавать своего местонахождения. Практически же вышло, что одиночные «юнкерсы» и «мессершмитты» действовали безнаказанно и крайне обнаглели. Они делали по нескольку заходов, обстреливая с бреющего полета не только наши колонны, но и отдельные машины, подводы.

«Такая тактика на руку не нам, а фрицу», — пришел к выводу Александр.

— Уничтожать каждый вражеский самолет! — приказал он экипажам.

А вскоре ему представился случай показать, как это надо делать. Заметив кружившего неподалеку «мессера», старший лейтенант поставил свой танк в воронку от бомбы в открытом поле.

— Ваня! — окликнул он Любушкина, которого с первого дня войны взял к себе в экипаж стрелком-радиом. — Угол возвышения — до отказа. Бей фашиста из пулемета, я — из пушки.

— Есть! — не спуская глаз с самолета, отозвался стрелок.

Истребитель дважды бросался в атаку на советский

танк. А когда пошел в третий раз, то дружный огонь экипажа сделал свое дело. Самолет задымил, рухнул на землю и развалился.

— Молодец, Ваня! Я знал, что ты парень, не промах.

— Да это же вы снарядом угодили, товарищ командир.

— Брось, брось! Фашиста порешил ты. Вот так всегда и действуй.

Первый серьезный бой с противником отступавший танковый полк принял в одно июльское утро под селом Садки, что к западу от Бердичева. Танки первого батальона, в который входила рота Бурды, стояли замаскированными у края большого сада. Только что прошел дождь. Плавно и размашисто покачивались на ветру отяжелевшие ветви садовых деревьев, густо обсыпанные еще недозревшими вишнями. Влажные листья засеребрились под первыми лучами солнца.

Впереди громыхнуло несколько артиллерийских выстрелов, и все стихло.

Александр выдвинулся к самому крайнему дереву, где проходила граница с соседним батальоном легких танков Т-40. Сюда вдоль полевой дороги брела какая-то группа пехотинцев. За ними — два орудийных расчета с противотанковыми пушками. Когда все подошли поближе, Бурда заметил среди артиллеристов одного лейтенанта.

— Стой! — скомандовал Александр. — Кто такие? Куда направляетесь?

— Отступаем. Не мешайте, товарищ старший лейтенант, — вяло отозвался офицер-артиллерист, мельком взглянув на танкиста.

— Стой, говорю! — Бурда стал перед орудием. — Куда отступаете?

Плечистый, с решительно сдвинутыми над переносом бровями, с твердым волевым взглядом глубоко посаженных темно-серых глаз, с прямыми резкими складками у губ — казалось, он врос в землю и ничто не способно сдвинуть его с места.

— Как куда? На восток. — Лейтенант-артиллерист выпрямился и рукавом вытер пот со лба.

— Где часть?

— Разбита. Одни мы остались. А тут скоро его танки появятся. Прут, собаки, без удержу.

— Не врите? — Александру уже приходилось встречать солдат, заявлявших: «все погибли, только мы и остались». На поверку это иногда оказывались дезертиры.

— А чего нам врать. У него — сила.

— Тут у нас тоже сила. Вон бугорок слева, видите? Ставьте там пушки и будем вместе держать рубеж.

Лейтенант оживился:

— А что, хлопцы, может, с танкистами оно и вправду веселее дело пойдет? А то идем, куда — сами не знаем. Давай, разворачивай.

«Эх ты, тюха», — подумал Бурда, а вслух сказал:

— Ну вот, это деловой разговор.

И уже вдогонку артиллеристам крикнул:

— Смотрите, чтобы он не обошел слева.

Александр сообщил обо всем комбату капитану Айзенгарду, поставил боевые задачи своим командирам взводов, а сам залез на сарай и принялся наблюдать в бинокль. Ждать пришлось недолго. В облаках пыли подошли крупные танковые силы врага. Выстрелом из пушки своего танка Бурда подал сигнал открыть огонь всем экипажам. Неожиданный залп советских тяжелых танков с близкой дистанции заставил врага остановиться.

Маневрируя, отыскивая пути обхода, немецкие танки — или, как их прозвали наши воины, панцирники — вынуждены были подставлять борта и тут же расплачивались за это. Экипаж командира роты в этом первом настоящем танковом столкновении уничтожил четыре панцирника.

Открыли свой боевой счет и другие экипажи. Рота старшего лейтенанта Бурды не потеряла ни одной машины. Но батальон легких танков, действовавший слева, понес большие потери, и противнику удалось глубоко обойти рубеж обороны нашего танкового полка. Надо было снова отходить. Артиллеристы остались с одной пушкой, но так и шли с танкистами вплоть до Днепра.

А бои на правобережной Украине начали следовать один за другим почти непрерывно: под Бердичевом, Ружинном, Немиренцами, Зарудинцами, Погребищенским, Христиновкой, в районе Шполы.

...На подступах к станции Зарудинцы немцы обстреляли колонну первого батальона из пушек. Батальон развернулся, танки стали за укрытиями.

Бурда получил задачу разведать силы врага на станции и обеспечить продвижение батальона.

Командир разведки направил два танка в обход станции справа, а три — слева. Сам же, укрываясь за различными строениями и холмами, пошел на противника в лоб. У окраины станции командир роты заметил пять вражеских танков. Они беспорядочно стреляли в направлении нашего батальона. Остановив боевую машину за бугорком, Бурда приказал командиру орудия сержанту Василию Стороженко:

— Наводить в борт!

— Есть наводить в борт! — откликнулся тот.

— Огонь!

— Есть!

Стороженко уже держал на прицеле точку ниже белого креста панцирника и только ждал этой команды. Первый выстрел—и горит первый фашистский танк. Два новых выстрела — и два новых факела там, где стояли панцирники.

Экипажи остальных вражеских машин, не понимая, откуда ведется огонь, спешно покинули станцию. Но далеко не ушли: их уничтожили танки, посланные в обход.

Когда колонна батальона прошла, Бурда решил осмотреть перрон станции. Там он обнаружил совершенно исправную, оставленную кем-то советскую бронемашину. Надо было торопиться: могли подойти новые силы немцев. Александр мгновенно выскочил из башни, сел за руль бронемашины, с первой же попытки завел двигатель. Только хотел тронуть с места — машина дрогнула всем корпусом и загорелась.

«А, ч-черт! — ругнулся он, выпрыгивая из бронемашины. — Не успел. Прямое попадание...»

К станции подходила большая немецкая танковая колонна. Но даже в эту опасную минуту командир меньше всего думал о себе. У выхода со станции стоял мощный трактор.

Александр подбежал к нему, попробовал завести. Не получилось: не было подачи воздуха. «Нет, нельзя оставлять такую ценность. Ведь наше, народное. Этот работяга еще может послужить». И старший лейтенант командует:

— Стороженко! Любушкин! Буксирный трос. Живо! Заведем с ходу.

Сам садится за рычаги трактора. Вот и прицеплен трос.

Гитлеровцы открыли бешеный огонь. Один снаряд пробил кабину трактора, но не разорвался. Бурда успел прыгнуть на землю.

— Тащите без меня, к лесу, без остановок! А я скоро.

Он махнул экипажу рукой, отбежал в сторону от дороги и залег в траве. Взревел мотор танка, и обе машины вскоре вышли из зоны обстрела. А Александр, наблюдая в бинокль, примерно определил силы противника и потом, укрываясь в высокой траве, ползком добрался к своим.

Так завершилась эта боевая разведка.

В дальнейшем обстановка с каждым днем все более осложнялась. Первый танковый батальон не раз попадал в окружение. А когда прорывался из вражеского кольца — обнаруживалась немалая убыль в людях и технике.

Под Христиновкой осколком снаряда был убит командир полка подполковник Никитин. Командование принял начальник штаба майор Мироненко. Под Бердичевом погиб друг Александра, политрук роты Алеша Винник. Лишился Бурда и многих других своих боевых товарищей, павших смертью храбрых.

Александр понял, какой суровой проверке в эти первые недели войны подвергаются мужество и все духовные силы танкистов. Он видел: молча храня в сердце жгучую горечь наших поражений, люди дерутся, как львы, и никогда не пытаются отойти без приказа. У них с каждым часом все больше и больше закаляется в испытаниях воля, с каждым часом растет непримиримая ненависть к захватчикам.

И тем не менее ему порою приходилось сталкиваться с душевным надломом.

Однажды, после кровопролитной схватки с враже-

скими танками под Немиренцами, к нему подошел солдат и доложил:

— Товарищ старший лейтенант! Вон там, в воронке, сидит Карпенко и, кажется, плачет. Спрашиваю: «Ты чего?» Молчит, не отвечает. Даже не шевельнется. Как неживой...

«Карпенко? — удивился про себя Александр. — Шахтер из Боковки? Земляк? Странно...»

Бурда вспомнил, какую находчивость и бесстрашие проявил механик-водитель Григорий Карпенко в бою под Бердичевом. Развернувшись на опушке леса, наши танки отражали атаки противника. Вдруг Карпенко заметил: на броне соседней боевой машины загорелись два запасных ящика со снарядами. Снаряды в любой момент могли взорваться, и тогда ничего не подозревавшему экипажу не сдобровать. Не раздумывая ни секунды, Карпенко в два прыжка очутился у танка. Ставил с кормы горящие ящики в ближайший окоп и быстро загасил огонь землей. Только после боя экипаж узнал, какая ему грозила опасность и кто ее отвел.

«Неужели теперь не выдержал?» — подумал Бурда, направляясь к Карпенко.

Карпенко не обратил на подошедшего командира никакого внимания. Обхватив голову руками, он сосредоточенно смотрел перед собой в одну точку. Во всем облике танкиста какая-то апатия, отрешенность.

Бурда присел рядом.

— Григорий...

Молчание.

«Не слышит?.. Может, и не слышит».

Командир роты кладет руку на плечо воина. Тот медленно, с выражением недоумения поворачивает к нему лицо. Во влажных глазах — огромное глубокое горе.

— Что случилось, дружище?

Карпенко отвечает не сразу. И не отвечает, а просит:

— Отправьте меня в пехоту...

— В пехоту? Это водителя танка?

— Был водитель...

— То есть, как «был?» Говори толком, в чем дело?

— Так... Сегодня своими руками машину взорвал...

Он опустил руки на колени, посмотрел на каждую из них:

— Вот этими... — голос его дрогнул, на минуту воцарилась тишина. Потом он с трудом продолжал: — Отправьте... Очень прошу. Не могу я...

Теперь командир роты начинал понимать причину угнетенного состояния человека.

В полку — острая нехватка горючего. Его в баках оставалось столько, что все наличные танки никак не смогут дотянуть до нового оборонительного рубежа. А добыть горючее нелегко.

Надежд на его получение нет никаких. По приказу командира полка пришлось уничтожить по две боевые машины в каждом батальоне. Перед этим остатки горючего из их баков были перелиты в другие танки. В числе «приговоренных» оказался и Т-28 Карпенко.

Бурда представил себе, с какой мучительной болью в сердце экипаж извлекал затвор пушки из казенника, вынимал из гнезда пулемет и передавал свои боеприпасы и свое горючее другим танкистам. И как потом Карпенко закладывал в моторное отделение толковую шашку и поджигал бикфордов шнур...

— Закурим? — Бурда достал кисет и, свернув сигарку, передал ее механику. Оба не спеша затягиваются. Командир роты начинает как бы рассуждать вслух:

— Да, брат, положение трудное. Фашист насаждает и передохнуть не дает. Никто не думал, что так обернется дело. Неизвестно, сколько еще доведется отступать. Но мы обязаны все выдержать. Все, что бы ни случилось. Ты меня слышишь?

— Я и выдерживал. А это — не могу... — глухим голосом отозвался Карпенко и кивнул головой в сторону высоты, где виднелась исковерканная, развороченная коробка его танка. — Ведь мы и третью часть своих снарядов не успели израсходовать. А перед войной? Учились, учились... Так берегли машину. Пылинки с нее снимали... А что вышло? Эх!.. — танкист с досадой махнул рукой.

— А ты думаешь командирам легче? Нет, Григорий, и у меня, и у всех нас сердце кровью обливается. Но надо держать себя в руках. Надо перешагнуть через это горе. Не бросать же врагу исправные машины! Тут другого выхода нет. Ничего не поделаешь.

Солдат молчал. Плотно обняв колени, он замер в неподвижной позе.

— Значит, ты отказываешься управлять танком? Так я понял?

Карпенко взглянул на ротного с нескрываемым удивлением. Дескать, о каком танке может идти речь, если в роте и так четыре механика без машин? К чему разговоры?

— Науправлялся... — только и проговорил он вслух.

— Эх ты! А еще земляк. Шахтер. Да разве шахтер, донбассовец, когда-нибудь станет вот так отчаиваться, киснуть?

Карпенко поднялся, одернул гимнастерку.

— Да я не отказываюсь. Машину жалко. А другая откуда возьмется? Скоро все в пехоту пойдем.

— Ну, вот что, — Бурда начинал терять терпение. — В пехоту никогда не поздно. А ты вспомни, сколько времени и трудов понадобилось, чтобы сделать из тебя танкиста? Не веришь, что будут у нас новые танки? Будут! Все будет, что надо. И настоящий танкист должен ценить свое звание, гордиться своей профессией. А я тебя всегда считал настоящим танкистом. Да, видно, ошибся. Словом, раз уж ты так хочешь — отправим в пехоту. Держать не станем.

Солдат стоял, опустив голову... Потом тихо проговорил:

— Да я чего... Я ничего... К машине привык... Она мне как родная была... А что погорячился, извините, товарищ старший лейтенант.

— Ну, ладно. А сейчас — в резервную группу. И в любой момент будь готов.

— Есть!

— Предупреждаю: впредь никакого нытья. Ясно?

— Ясно. Разрешите идти?

Бурда смотрел вслед Карпенко и спрашивал себя: через какие еще испытания суждено пройти ему вместе с боевыми друзьями в эту тяжкую для всех пору? Никто не мог ответить на этот вопрос, но Александр был твердо уверен в своих соратниках, знал, что они выдержат любое, пусть даже сверхчеловеческое напряжение...

И хотя командир не мог бы поручиться, что ему в тот день удалось полностью убедить Карпенко, все же больше никогда уже не возникало поводов к тому, чтобы снова обращать солдата-шахтера в «танковую веру». Григорий Карпенко неизменно оставался одним из лучших воинов роты.

...Последний раз остатки всех подразделений полка попали в окружение между Уманью и Тальным. По-

пытки вырваться из кольца днем ни к чему не привели. Лишь ночью, проколесив до рассвета по свекловичным полям, танкисты сумели выскочить из стальных вражеских клещей.

В Черкассах, по приказу командующего бронетанковыми войсками фронта, полк сдал в резервную группу все оставшееся из материальной части. А люди в начале августа эшелонам выехали в тыл.

Бурда подсчитал, что за месяц с лишним боев на Украине он со своим экипажем уничтожил восемь фашистских танков, четыре грузовые машины с пехотой и один самолет. «Мало, мало, мало, — говорил он себе. — Надо истреблять в пять, в десять раз больше!»

С каменной тяжестью в душе смотрел Александр на покидаемую украинскую землю. Не отрывая взгляда от величественной красоты садов, от бескрайних полей с перезрелыми хлебами, он мысленно поклялся сделать все, чтобы отомстить захватчикам за горе и слезы, принесенные ими советским людям.

К ЛОГОВУ ГУДЕРИАНА

Наступил октябрь, четвертый месяц войны. Бои шли на дальних подступах к Москве. «К ноябрю Москва будет наша!», — кричали фашисты по радио, в печати, в разбрасываемых повсюду листовках.

Охват Москвы с юга гитлеровское командование возлагало на мощную танковую группу генерала Гудериана. В течение 1 и 2 октября Гудериан навалальной атакой прорвал оборонительный рубеж наших войск под Орлом и овладел городом. В прорыв черным злове-

щим потоком ринулись крестonosные стальные громадины...

К Орлу и Мценску спешно выдвигалось несколько резервных соединений Советской Армии. Первой на станцию Мценск прибыла четвертая танковая бригада. Командовал ею полковник М. Е. Катуков, ныне маршал бронетанковых войск. Бригада включалась в состав гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора Лелюшенко, на который возлагалась оборона подступов к Мценску и Туле.

Части корпуса находились еще в пути, и потому выгрузившийся на станции в ночь на четвертое октября первый эшелон бригады — первый танковый батальон — с ходу получил задачу на боевые действия. Требовалось выяснить обстановку в Орле и его окрестностях.

Каковы силы врага и его дальнейший замысел? В каком направлении он думает наносить свой главный удар? Это и должны были установить две танковые разведывательные группы, на которые делился батальон. Первая группа под командованием командира батальона капитана Гусева наносила удар по северо-восточной окраине Орла. Второй группе, возглавляемой командиром роты старшим лейтенантом Бурдой и комиссаром батальона Загудаевым, предстояло выдвинуться по дороге Мценск — Ядрово — Протасово и вести разведку боем с юго-востока. Нанесение согласованных ударов обеими группами намечалось на двенадцать часов следующего дня.

Перед выходом в разведку Александр отыскал командира штурмовой авиаэскадрильи, договорился с ним о взаимодействии. В назначенный час четвертого октября группа танков Т-34 старшего лейтенанта Бурды, усиленная истребительной ротой мотострелкового ба-

тальяна, ушла по заданному боевому маршруту. Продвигаясь перекатами от одного укрытия к другому, боевые машины незаметно для врага приближались к Орлу.

Танковый дозор лейтенанта Ивченко непрерывно обшаривал местность перед фронтом и на флангах своими дозорными машинами. Это исключало внезапность встречи основного ядра группы с противником.

Во второй половине дня разведчики стали в засаду в трех километрах юго-восточнее города. Проверя маскировку машин, Бурда неожиданно увидел рядом с одним танкистом мальчика лет десяти.

— В чем дело? Откуда?

— Из города пробирается, товарищ старший лейтенант, — отвечает тот, кивая на мальчика. — Начальника ищет.

— Дядя начальник, — торопливо сыплет словами юный орловец, — вы туда не идите. Там у будочки они поставили две маленькие пушки. Я только сейчас видел.

— У какой будочки?

— Где стрелочник был, на линии. А вчера мы с мамкой идем по дороге, а тут ка-ак налетят ихние самолеты и давай поливать из пулеметов. С нашей улицы много народу шло, а они, гады, — из пулеметов.

— Где же твоя мамка?

— Там... Потерял я ее... И папу немцы убили... Он из окошка выглянул, когда они проезжали.

— А как тебя зовут, парень?

— Гришка. Григорий Архипов я.

— Как же ты, Гриша, нас разыскал?

— А я знал, что вы где-нибудь близко, вот и нашел. Дядя командир, возьмите меня разведчиком. Ни в жисть не подведу.

— Мал ты, Гриша. А маленькие у нас не воюют, — Бурда кладет в руку паренька два кусочка сахару.

— Не маленький я! — мальчик тщетно пытается приподняться на носках (велики сапоги).

— Ну ладно, ладно, — пряча улыбку, успокаивает его старший лейтенант, — верю, что большой. Посиди пока здесь. Подумаю, потом скажу, возьмем тебя или нет.

Всю ночь люди напряженно ждали предстоящей схватки с врагом. А сам командир договорился с комиссаром и отправился в полночь на «секретную» операцию. Орловец, командир взвода Кульдин, попросил у Бурды разрешения вывести из города свою семью. Старший лейтенант решил и сам отправиться в город вместе с Кульдиным. В помощь он взял из числа десантников лишь одного солдата по фамилии Корнев.

— Заодно мы кое-что прощупаем, — сказал Александр Загудаеву и вместе с двумя своими боевыми товарищами направился к городу.

В плащ-накидках и касках разведчики внешне мало чем отличались от немецких солдат. Осторожно пробравшись задворками, они сразу наткнулись на танковую колонну.

Колонна вытянулась вдоль улицы, выходящей на Мценское шоссе. Мрачно и настороженно, почти упираясь друг другу в корму, с заглушенными двигателями стоят панцирники. Сколько их?

Притаившись со своей группой за углом дома, Бурда до боли в глазах всматривается в темноту, которую изредка прорезывают лучи карманных фонариков немецких часовых. Хвоста колонны не видно. Значит, здесь не менее пятидесяти машин. И ясно: собираются тронуться с утра.

Решив по возвращении пройти ближе к концу ко-

лонны, Бурда нарочито спокойно, неторопливо пересекает улицу, а затем, прошмыгнув между танками, скрывается с друзьями в лабиринте переулков.

— Пришли, товарищ старший лейтенант, — Кульдин взволнованно и безотрывно смотрит на окна своего дома.

— Идите вдвоем. Я подежурю. Полчаса хватит?

— Хватит. Раньше управимся.

— Ну — быстро! — командир махнул рукой, и разведчики нырнули в калитку...

Обратно шли уже впятером. Мать и жена Кульдина прихватили с собой по узлу самых необходимых вещей.

Когда почти уже перебежали улицу с танковой колонной, сзади послышался окрик:

— Хальт! Хальт!

— Сюда, сюда! — Кульдин рванулся через пролом в воротах и затащил всех в какой-то проходной двор.

С улицы полоснула автоматная очередь, и вслед за нею тяжело затопали солдатские сапоги.

— Ну, кажется, только двое, — прикинул Александр. — Ты, Сергей, веди прямо к нашим, а мы с Корневым «поговорим» с этими...

Лейтенант и женщины мгновенно растаяли в темноте. А Бурда с Корневым залегли в какой-то яме на огороде.

— Братъ не будем, и так задерживаемся, — тихо сказал командир. Немцы уже бродили по двору, выпустив наугад, с рассеиванием, еще три очереди из автоматов. Громко переговариваясь, они двинулись к огороду. В темноте их совсем не было видно.

«Хоть бы фонарик догадался кто включить, — пронеслось в голове Александра, — мы бы тогда по фонарику...»

Но фонарик не зажигался. Прекратилась и стрельба.

Вдруг впереди, прямо над ямой, выросла фигура с автоматом. Немец собирался сделать еще шаг, но качнулся и с руганью повалился на дно ямы. Вряд ли он думал, что нарвется здесь на два удара кинжалами и что эта яма станет его могилой.

— Ганс! Ганс! — окликивает тревожный голос с другого края огорода.

«Давай, давай, зови!» — Теперь внимание командира приковано к тому месту, откуда слышался голос. «Зови, зови, может, найдешь».

Внезапно в ночной мгле всплыл круглый огонек карманного фонаря.

«Чуть выше и правее», — скомандовал себе старший лейтенант и нажал на спусковой крючок пистолета. Тут же выстрелил и Корнев. Фонарик отлетел в сторону и погас. Ганса больше никто не звал.

«Что, нашел?»

— Взять оружие и документы.

Поплутав немного по задворкам и садам, командир и солдат возвратились к своим.

— Ну, Федорыч, и боялся же я за тебя, — не скрывая облегчения и радости, говорил Загудаев, — ведь прямо в логово полез, а! Чую, влетит мне за твои штуки.

— Не бойся. Отвечать мне одному. В крайнем случае пополам, все полегче, — шутит Бурда.

Перед рассветом старший лейтенант собрал командиров взводов.

— Крепко запомните: огонь только после моего выстрела. Колонне дадим вытянуться. Я бью по голове, Ивченко по центру, Кукарин по хвосту. Атака по моему радиосигналу.

...В 8 часов утра по шоссе на Мценск бойко покати-ли четыре мотоцикла и две бронемашины.

«Топайте, топайте, — провожал их взглядом Бур-да, — далеко не уйдете».

Но вот поползли бронетранспортеры с противотан-ковыми орудиями, за ними танки, опять бронетранспор-теры и снова танки.

«Не меньше танкового полка с мотопехотой», — при-ходит к выводу старший лейтенант.

«Выжидать, выжидать. Хвост, должно быть, еще далеко».

Внезапно, как ножом, резанула слух и сразу отда-лась по всему телу выпущенная кем-то пулеметная очередь.

«А, ч-черт! Сорвался, стервец!» — выругался ко-мандир. Лишь после боя выяснилось, что не выдержал и ударил из пулемета один из солдат истребительной роты, когда голова колонны приблизилась к засаде всего метров на восемьсот.

На размышления не оставалось ни секунды. Против-ник мог развернуться на господствующей высоте, и тогда — дело плохо.

— Огонь! — дает общую команду Бурда и видит, как посланный им снаряд проламывает борт головного бронетранспортера.

Залпами танковых пушек как ветром сдувает с ма-шин немецкую пехоту. Снаряды один за другим ложат-ся в гущу колонны.

— Кукарин, вперед! Дави с хвоста!

Звон тяжелых танков Кукарина, при котором на-ходился и комиссар Загудаев, рванулся из засады. КВ с ходу врезалось в ошеломленную неожиданным напа-дением вражескую пехоту. Сокрушая все на своем пу-ти, тяжелые машины, казалось, неторопливо притан-

цовывали, пробираясь вдоль дороги, в самом центре скопления противника.

— Вот теперь и мы поработаем, — кричал механик-водитель Кукарина сержант Сафонов, направляя на немцев свою стальную машину. — Получайте, фрицы, за Советскую Украину, за Орел, за нашу землю!

Колонна была рассеяна и в беспорядке отступила в город. Один немецкий батальон мотопехоты попытался повернуть влево, в обход группы разведчиков. Но Бурда заблаговременно предусмотрел прикрытия своих флангов. Экипаж танка Петра Молчанова, стоявший в засаде на этом участке, видел, как немцы втягивались в ложину, но ничем себя не выдавал. Только когда последние цепи вражеских солдат спустились вниз, Молчанов ударил осколочными снарядами, а стрелок-радист начал косить врага из пулемета. Мало кому из того немецкого батальона суждено было выбраться наверх.

— Перейти в район Кофанова, — приказывает Бурда командирам взводов.

Зная повадки врага, старший лейтенант решил, не задерживаясь на старом месте, сменить позиции. Едва успела группа проскочить в новый район, как три десятка «юнкеров» принялись усердно бомбить и расстреливать из пулеметов то место, где только что стояли наши танки.

— Пускай, пускай потрудятся, — смеялись танкисты, — это им полезно.

Вдруг со стороны Мценска, из-за леса, вынырнула шестерка самолетов со звездами на крыльях.

— Свои! — радостно кричат танкисты, выглядывая из башен, — валяйте, ребята, дайте им прикурить!

Неожиданно ведущий штурмовик делает разворот, и машины, перестроившись цепочкой, заходят прямо на расположение разведчиков.

— Чего это они? — Загудаев недоуменно смотрит на командира.

— Не иначе, бомбить идут, чтоб им... Думают, мы все там, а здесь немцы. — Бурда ныряет в башню и спешно, без перерыва посылает в эфир один и тот же радиосигнал: «мы свои».

Но летчики или не слышат радиосигналов или не верят им. Сверху уже со свистом валятся бомбы... Благо, пока нет прямых попаданий.

«Да что они, рехнулись, что ли? Чужих обманули, а тут свои лупят по чем зря. Вот тебе и договорился». Старший лейтенант приказывает немедленно выложить опознавательное полотнище. И лишь это, наконец, помогает. Самолеты, покачав крыльями, пошли к Орлу.

Лесок, что рядом с деревней Кофаново, позволил надежно замаскировать машины. Танкисты, еще не отдохнувшие после напряженно проведенной ночи и жаркого утреннего боя, с удовольствием разминали затекшие ноги в тени под деревьями. Было решено тут же и позавтракать.

Еще с ночи прервалась связь группы с главными силами. Боеприпасы, горючее и продукты были на исходе. Как действовать дальше, не имея связи с командованием?

Командир и комиссар приняли решение — идти на соединение с главными силами. Начав движение в ночь на 6 октября, группа в районе Протасово наткнулась на подразделение танков другой бригады, прибывшей для пополнения корпуса генерала Лелюшенко. Старший лейтенант Бурда уточнил здесь расположение своей бригады и к рассвету без потерь привел свою группу к командному пункту полковника Катукова. Отсюда мальчик Гриша Архипов и семья Кульдина, все время находившиеся вместе с танкистами в боевых машинах,

были эвакуированы в тыл. Группа Гусева вернулась несколько раньше.

Тридцать шесть часов продолжалась боевая разведка Бурды.

Данные, добытые смелыми и инициативными действиями разведки, подтвержденные документами убитых немцев, позволили установить, что в танковую группу Гудериана входят 3-я и 4-я танковые дивизии, мотострелковая дивизия и ряд частей усиления. Были расшифрованы и планы немецкого командования, сводившиеся к тому, чтобы «спешно подтягивая резервы, главными силами... развить успех, действуя вдоль шоссе Орел—Мценск—Тула, и с южного направления обеспечить выход к Москве».

ПОД МЦЕНСКОМ

Медленно и трудно, полоска за полоской пробивается рассвет. Нависают над землей тяжелые тучи, льет и льет холодный, давно уже для всех осточертевший дождь. Его мглистую пелену время от времени прочерчивают, как падающие белые бабочки, мокрые хлопья снега. Всюду непролазная грязь. Ветер, сырость пробирают до костей.

На опушке леса, неподалеку от села Первый воин, рота Бурды, усиленная взводом тяжелых танков, оседлала Мценское шоссе. Командир роты, только что возвратившийся из разведывательного рейда, определил места засад каждому танку и договорился о взаимодействии с соседями. Впереди оборонялся десантный батальон бригады, справа — рота «тридцатьчетверок» старшего лейтенанта Заскалько, слева — легкие танки

БТ Самохина. Экипажи, не спавшие две ночи подряд, быстро замаскировали машины и подготовились к новой встрече с врагом.

Командир батальона капитан Гусев еще раз уточнил боевую задачу. Она предельно ясна: не допустить прорыва танков и мотопехоты противника на Мценск. Решать задачу действиями из засад. Засады и засады... Повзводно, даже по одному танку. Ни в коем случае не показывать всех своих сил сразу. Менять позиции, маневрировать, вводить врага в заблуждение. И — ни одного выстрела мимо цели.

Едва капитан Гусев закончил свои указания, как от командира бригады пришла весть: вдоль шоссе на Мценск движется крупная колонна немецких танков и пехоты.

— По местам! Приготовиться! — приказал командир батальона, и офицеры, перепрыгивая через лужи, помчались к своим подразделениям.

Бурда, выбежав из леса, внимательно осмотрел позицию своей роты и остался доволен: нигде ни малейшего движения, ни звука. Ничто не выдавало присутствия танков.

Командир роты обошел экипажи, еще раз напомнил, что каждый взвод открывает огонь самостоятельно, в зависимости от того, на какую дистанцию приблизится противник. Бурда приказал всем сидеть в машинах, быть начеку. А спустя примерно час танкисты увидели в свои приделы темную лавину панцирников и пехоты. Густой боевой порядок врага катился прямо на позиции выдвинутого вперед десантного батальона бригады. Открыв бешеный огонь с ходу, первый немецкий панцирный эшелон буквально забросал снарядами огневые позиции артиллерийского дивизиона бригады, располагавшегося вместе с десантным батальоном.

Вскоре дивизион был подавлен, и вражеские танки, невзирая на потери от огня наших боевых машин, бивших из засад, прорвались к окопам десантников, начали их утюжить.

Рота Бурды довела огонь до максимального напряжения. То один, то другой панцирник выходил из строя, но остававшиеся и не помышляли об отходе. Не переставая наседавать, они зажали в кольцо минометную роту десантного батальона.

«Да, много, очень много у них танков, — тревожно думает Александр. — Слишком неравны силы. Но мы еще посмотрим, чья возьмет».

— Кукарин, вперед! — командует он по радио. — Выручай минометчиков.

— Понял. Выполняю, — звучит в наушниках.

Три грозных КВ, оставляя за собой глубокий след от гусениц, двинулись во фланг обнаглевшим фашистам.

Перед боем Бурда пересадил Ивана Любушкина из резервной машины в экипаж Кукарина. «Ну, Ваня, не подведи», — про себя напутствует любимого башнера командир роты.

Первыми тремя выстрелами Любушкин зажег три панцирника. Лейтенант Кукарин и радист Дуванов едва успевали заряжать пушку снайперу-танкисту.

— Молодец, Ваня, так продолжать! — возбужденно выкрикивал Бурда, не переставая в свою очередь посылать во вражеские танки снаряд за снарядом.

Внезапно тяжелый танк остановился с перебитой гусеницей. И в тот же момент четвертым снарядом Любушкин проломил броню еще одному фашистскому танку. Экипаж панцирника, выскочивший отыскать попадание, мгновенно был накрыт осколочным снарядом, выпущенным Иваном.

Танки А. Ф. Бурды в Мценске.

Борт KV пробила немецкая болванка, но Любушкин ни на минуту не прекращал огня. Еще четыре танка подбил он в этом бою, и только когда общими усилиями роты враг был отброшен, они с лейтенантом Кукариным согласились вывести машину на ремонт. Мужественно дрались и остальные экипажи кукаринского взвода и всей роты Александра Бурды. На выручку к мотострелкам пришла с другого фланга и группа танков лейтенанта Лавриненко.

Первая атака врага была сорвана. Не принесли ему успеха и повторные яростные атаки. Противник не продвинулся ни на шаг, потеряв за двенадцать часов почти непрерывного боя сорок три танка и много другой боевой техники.

А ночью, по приказу, бригада организованно отошла на новый оборонительный рубеж Ильково—Шеино.

Двое суток молчал, не показывался противник.

— Ну, держись, орлы, — предупреждал своих танкистов Александр. — Немец готовится не на шутку. Танки замаскировать надежно. И чтобы у всех на земле по четыре ящика снарядов в запасе лежало.

— Все сделаем, товарищ старший лейтенант, — отвечали воины. — Гудериан и тут будет дран.

С утра 9 октября на рубеж, занятый советскими танками, волна за волной снова хлынули крестоносные стальные машины. По всему фронту обороны бригады танковая дуэль достигла такого напряжения, что падавший снег, едва коснувшись стволов пушек, мгновенно испарялся. Особенно тяжело приходилось роте Самохина, действовавшей справа. Немцы поняли, что здесь стоят лишь легкие танки, и наваливались на роту с особенным остервенением.

«Могут смять, собаки», — тревожно думал Александр, видя, в какую крутую обстановку попал со своими людьми его боевой друг.

— Разрешите помочь Самохину, ударить справа? — запрашивает он по радио командира батальона и, получив ответ «действуй», стремительно, тремя танками, проскакивает по лощинам к намеченному месту. Вынырнув из-за высотки у самого левого фланга вражеского боевого порядка, танки с ходу обрушили беглый огонь на противника. Перед нашими танкистами оказалось не менее трех десятков панцирников, никак не ожидавших нападения сбоку.

Танк командира роты прижало бортом к стогу сена и был почти незаметен для противника. Экипажи «тридцатьчетверок» расстреливали врага в упор, не давая ему опомниться.

— Бронебойным заряжай! — не переставал командовать Бурда и каждый раз, получив ответ стрелка-радиста «готово!», без промаха посылал снаряд за снарядом в фашистские танки, спешно пытавшиеся отползти в укрытия.

Во время этой вылазки Александр Бурда со своей маленькой группой успел зажечь одиннадцать панцирников и подбить семь. Только девяти вражеским машинам удалось удрать с поля боя. В тот день не раз еще старший лейтенант совершал смелые молниеносные маневры, неизменно оказываясь там, где не ожидал противник.

До поздней ночи, снова и снова бросали немцы в атаки плотные массы своих боевых машин, но все безуспешно. Бригада стояла стальной преградой, прочно перекрывая шоссе, вдоль которого они наносили главный удар. И только спустя сутки, после глубокого флангового обхода, противнику удалось прорвать рубеж соседней части и ворваться в Мценск.

Отрезанная от главных сил корпуса, четвертая танковая бригада получила приказ отойти севернее, на правый берег реки Зуша. Танки под огнем противника пробивались по единственному оставшемуся пути — через железнодорожный мост. Одной из последних прогромыхала по мосту и «тридцатьчетверка» старшего лейтенанта Бурды.

Александр думал о проведенных боях, об оставленном Мценске. Хотя рота не понесла потерь и хотя Гудериану пришлось более недели бросать свои войска почти в непрерывные атаки, чтобы ценой больших жертв овладеть еще одним советским городом, все же нестерпимо обжигала одна и та же мысль: «Отступаем. Опять отступаем...»

Но он знал, что рота дралась со стойкостью и мужеством, на какие она только была способна. А на боевом счету его экипажа — шесть вражеских танков, девять орудий и до двух взводов пехоты. Неплохо. И сейчас, видя насколько крупные силы советских войск стали в оборону по северному берегу Зуши, он догадывался, что бригада вполне справилась с задачей: сдержала противника, нанесла ему большие потери, обеспечила своим войскам, подходившим из глубины, время и условия для занятия оборонительного рубежа.

ПЕРВЫЕ ИЗ ТАНКОВОЙ ГВАРДИИ

11 октября бригада сосредоточилась во втором эшелоне армии. Только теперь людям выпала возможность как следует умыться, побриться, привести себя в порядок. А на другой день Бурда, включив радиостанцию, неожиданно узнал радостную новость: Указом Президиума Верховного Совета СССР тридцать два воина бригады отмечались правительственными наградами, в том числе он сам награжден орденом Красного Знамени.

Переданным вслед за этим отдельным Указом сержанту Любушкину Ивану Тимофеевичу присваивалось звание Героя Советского Союза.

«Ваня! Вот это здорово!» — Бурда пулей выскочил из машины, отыскал своего ученика, первым поздравил его.

— Ну, силен, силен, каптенармус! — с сияющим лицом командир роты, как родного, обнимал воина-героя, долго тряс ему руку. Скромный сержант мучительно краснел:

— Спасибо вам, товарищ старший лейтенант, за науку. Это вы меня стрелять научили. Только не пойму, за что мне одному присвоили? Ведь экипаж воевал, не я один.

— Награждены, Ваня, все награждены, кто отличился и заслужил.—И, уже обращаясь к подошедшим танкистам, сказал: — Ну, народ, поздравляй Героя!

— Герой? Тимофеич? Качать! — раздались голоса.

— Качать! Качать!

Подбрасываемый десятками рук, «именинник», широко улыбаясь, то взлетал в воздух, то снова опускался в круг, бережно принимаемый друзьями...

Долго еще потом танкисты поздравляли друг друга с наградами, вспоминали только что прошедшие бои. Все с еще большим вдохновением готовились к новым схваткам с врагом.

Спустя несколько дней бригада получила приказ перейти на другой участок фронта к западу от Москвы. В короткий срок требовалось совершить марш в триста шестьдесят километров и стать стальным щитом на пути вражеских дивизий, рвавшихся к советской столице с запада.

Поздней ночью девятнадцатого октября бригада проходила через Москву. Машины шли без света, с открытыми люками. Высунувшись по пояс из башни, Бурда всматривался в затемненные московские улицы. Мела пурга, ветер гнал вдоль домов снежную крупу. Родная столица — строгая и подтянутая — была похожа на деловитого, бывалого воина. На улицах — противотанковые надолбы, на перекрестках — металлические «ежи». Заборы, стены — закамуфлированы. Всюду возводятся баррикады.

Город, погруженный в темноту, лишь время от времени вонзает в небо лучи прожекторов. Грозно молча-

ливая Москва готовилась к решающей битве. Вот и Красная площадь — просторная, суровая, охваченная ночной тишиной. Дымится пороша над старыми башнями. Высокие, густые, вечно зеленые ели часовыми вытянулись вдоль зубчатых стен.

«Дорогая ты наша, родная, славная и гордая Москва! Ты всегда живешь в душе каждого нашего воина, каждого советского человека. Чем измерить нашу любовь к тебе? Чем измерить ту силу, которую ты придаешь нам в борьбе? Никогда, никогда не быть врагу на твоих чудесных, величественных улицах!»

Так, с мыслями о Москве, о предстоящих схватках с врагом, крепко сжав зубы и сосредоточенно вглядываясь вперед, и проезжал Александр Бурда к западным окраинам города.

...В новом районе, куда вышла бригада, танкисты узнали о дерзкой «операции», проведенной по пути от Мценска к Москве одним из командиров танковых взводов бригады, лейтенантом Дмитрием Лавриненко.

Дмитрий так же, как и Константин Самохин, был близким другом Александра. Кубанец, родом из станицы Бесстрашной, Лавриненко показывал истинное бесстрашие в сражениях с врагом. Бурда первым встретил Дмитрия, появившегося со своим танком в расположении бригады лишь на второй день к вечеру.

— Здорово, пропажа! — хлопнул Александр своего друга по плечу, когда тот, в валенках и полушубке, грузно спрыгнул с танка. — Ну, как там в замыкании? Все в порядке?

— Порядок! — чуть улыбнулся Лавриненко. Высокий и ладный, он сделал несколько приседаний, размяная ноги, затем обошел вокруг танка, по привычке проверив ходовую часть. К его машине подошло еще несколько танкистов. Бурда протянул Дмитрию папиросу.

— Давай, Митя, расскажи-ка, чего ты там натворил. Говорят, разгромил чуть ли не армию. Верно, что ли?

— Эх ты, куда хватил! — закуривая, отозвался Лавриненко. — Ты спроси лучше, как мне чуть было не пришлось через Москву небритым ехать.

— Небритым?

— Ну да. Мы же там КП генерала Лелюшенко охраняли, — кивнул он на свой экипаж, стоявший рядом. — Нам приказ поступил сниматься, когда бригада уже ушла. Ну, проходим Серпухов. Смотрю, на центральной улице — парикмахерская. Правда, мы не так уж чтобы очень заросли, но впереди-то Москва. Не шутка. — Негоже, говорю, друзья, нам в столице показываться небритыми. Давайте зайдем, соскоблим щетину. Так и сделали. Сели в кресла. Но не успела мне девушка одну щеку обработать, вбегают солдат и прямо с порога:

— Командира танка вызывает комендант города. Срочно!... — Ну, стираю мыло, бегу.

— Наполовину бритый? — пряча улыбку, уточняет Бурда.

— Наполовину, да не до того уже было. В комендатуре встречает меня какой-то комбриг, с ромбом в петлице. Я доложил, а сам все стараюсь к нему бритой щекой повернуться: вдруг заметит, да нахлобучку даст. Но комбриг сразу мне — боевую задачу.

— К городу, по шоссе Малоярославец — Серпухов идет колонна немецкой мотопехоты с артиллерией. Вам со своим танком задержать колонну до подхода наших частей. Все ясно?

— Ясно, — отвечаю, — будет выполнено. Ну, рассказал ребятам, быстренько выдвинулись мы к деревне Высокиничи.

— В засаду? — спросил кто-то из танкистов.

— Да, стали в засаду. В рощицу запрятались, а шоссе перед нами как на ладони. И вот видим, выползает из-за поворота сперва голова колонны: мотоциклисты, за ними штабная машина, противотанковые орудия на прицепе. А дальше машины с пехотой показались. Федотов зарядил пушку, а я не отрываюсь от прицела. Мне уже и морды фрицев видны, но я выжидал, чтобы колонна поудобней подтянулась к нашему участку.

— Неужели без разведки шли? — спросил Бурда.

— Вот именно, без разведки. Самоуверенные такие, катят себе по шоссе, вроде как на блины к теще. Примерно с батальон их было, не больше. Ну, выбрали мы момент и давай шпарить осколочными. Разбили три орудия, четыре миномета, а потом танком врезались прямо в середину колонны. Конечно, пушка и пулеметы не переставали у нас работать. Эх, как поднялась у фрицев паника, как начали они высыпать из машин да удирать кто куда. Так и не успели сделать по нас ни одного выстрела из своих пушек. А минут через десять подспела наша пехота, и все было кончено.

— Чего-нибудь захватили? — поинтересовался Любушкин.

— Немного. Отвезли в Серпухов одно противотанковое орудие с полным запасом снарядов, шесть минометов, тринадцать автоматов и десять мотоциклов.

— А еще штабная машина, — добавил сержант Бедный, стрелок-радист из экипажа Лавриненко.

— Совсем забыл про штабную, — подхватил командир. — Это, братцы, оказался самый главный трофей. Там нашли и карты и документы всякие. Сразу все самолетом — в Москву. Ну а мы пошли добриваться.

— Да, великая вещь засада, если ее с умом применять, — сказал Александр. — Она еще нас выручит не раз.

...В конце октября четвертая танковая бригада, находившаяся до этого в резерве Западного фронта, была выдвинута в район села Чесмены, что восточнее Волоколамска. Там она вошла в состав армии генерала Рокоссовского. К тому времени Волоколамское направление становилось наиболее опасным. Именно здесь противник сосредоточил свои главные силы и, словно огромным молотом, иступленно бил в одну точку, пытаясь проломить, смять нашу оборону и одним прыжком выскочить к Москве.

— Мобилизовать все силы на разгром врага. Вести активную оборону, соединенную с контратаками. Не дожидаться ударов противника. Самим наносить удары. Всеми мерами изматывать, изнувать врага. Сковать его танки и авиацию. Ни шагу назад! — таков был боевой приказ защитникам столицы.

На наиболее вероятных направлениях вклинения противника танкисты отрыли окопы и стали в засады. Каждая засада строилась с расчетом надежного взаимного огневого прикрытия. Часть танков роты старшего лейтенанта Бурды занимала позиции в Чесмене, часть — в Язвице, прочно перекрывая Волоколамское шоссе. Система огня засад предусматривала и самую активную поддержку обороняющихся впереди стрелковых подразделений дивизии генерала Панфилова...

Шестого ноября танкисты встречали дорогих гостей.

В канун годовщины Октябрьской революции к ним приехали рабочие и работницы заводов и фабрик столицы.

Рабочая делегация привезла подарки и множество теплых, душевных писем от советских людей. Внимательно, взволнованно читали эти письма танкисты. Вскрыл письмо и Александр:

«Дорогой, не известный мне, но бесконечно близкий, родной товарищ боец! Посылаю тебе мой скромный подарок и желаю много сил и здоровья для борьбы с проклятыми гитлеровцами. Мне шестьдесят пять лет, но я сейчас работаю полторы смены, чтобы помочь вам в победе. Крепче громите фашистов, а тыл не подведет!

Токарь завода им. Буденного Каменев».

«Может быть, вот так же, — задумался Александр, — где-нибудь на другом участке фронта, другой воин перебирает в своих руках теплые носки, заботливо связанные в ночные часы моей Аней? Рассматривает такой же платочек с вышитым в уголке медвежонком? Как они там живут в эвакуации? Не сладко, наверно...»

— Ну, Боровик, что тебе пишут? — спрашивает он механика-водителя.

— А вот, посмотрите, с «Большевика».

— Кто, не девушка?

— Ага. Угадали.

— Давай, прочти сам, я послушаю.

«Дорогой боец, не знакомый, но как брат родной, — начал Боровик. — Шлю я вам маленький скромный подарок и горячий комсомольский привет. Товарищ дорогой, знайте: с вами вся страна, весь наш советский народ. Мы все как один защищаем свою родину. Я уверена, что наша победа недалеко. И тогда мы заживем по-прежнему, прекрасной мирной жизнью. Теперь несколько слов о себе. Я лаборантка, работаю на кондитерской фабрике «Большевик». Ну, дорогой товарищ, пока до свиданья.

С приветом, Катя».

— Должно быть, хорошая дивчина, — заключил офицер.

— Тут еще в конце добавлено: «Пишите мне, вы знаете, как хочется получить с фронта письмо, как мно-

А. Ф. Бурда (первый слева) со своими танкистами.

го радости приносит весточка от солдата, который, не щадя жизни, дерется с проклятыми захватчиками».

— Обязательно, Дмитрий, пошли ответ.

— А как же! После митинга сразу напишу.

На митинге в лесу выступил седоусый машинист, кадровый рабочий Маслов. Он был почетным гостем танкистов. Когда потребовалось спешно перебросить бригаду в Мценск, именно он, машинист паровоза Маслов, довел эшелон один, без смены, до станции назначения.

Крепко запомнил Александр строгие слова старого рабочего, сказанные здесь, в лесу:

— От вас до Москвы сто километров. Москва, как мать, согревает вас своим дыханием. Она для всех из дороже жизни. Я — русский человек и вот вам мой наказ: не пускайте зверя к Москве. Стойте насмерть, как умеют стоять наши советские люди.

Маслову за всех ответил Любушкин:

— Фашистским головорезам не видать Москвы никогда!

На другой день бригада получила приказ готовиться к нанесению удара на опорный пункт Скирманово. Здесь немецкий фронт клином врезался в нашу оборону, давал врагу выгодные условия для обстрела шоссе и мог служить плацдармом для наступления на Истру. Ликвидировать скирмановский опорный пункт — означало сорвать замыслы гитлеровского командования.

Но противник сосредоточил на этом участке большие силы, соорудил множество дотов и дзотов, поставил в окопы танки. Выбить его было делом нелегким.

До ночи одиннадцатого ноября проводились непрерывные рекогносцировки, уточнялись направления атак, организовывалось взаимодействие во всех звеньях командного состава. Боевая задача подробно доводилась до каждого экипажа. А наутро пришли новые большие радостные вести: бригаде присвоено звание гвардейской, Катукову присваивалось звание генерал-майора танковых войск, и одновременно он награждался орденом Ленина.

Экипажи, разбросанные в засадах на большом отдалении друг от друга, узнавали об этой волнующей новости от своих командиров, комиссаров, от самого комбрига и военкома, обходивших все огневые точки, под-

ползавших в зоне обстрела к зарытым в землю боевым машинам.

Затаив дыхание, старший лейтенант Бурда вслушивался в каждое слово приказа, который зачитывал комбриг:

«4-я танковая бригада отважными и умелыми действиями с 4.10 по 11.10, несмотря на значительное численное превосходство противника, нанесла ему тяжелые потери и выполнила поставленные перед бригадой задачи прикрытия сосредоточения наших войск.

Две фашистские танковые дивизии и одна мотодивизия были остановлены и понесли огромные потери от славных бойцов и командиров 4-й танковой бригады.

Боевые действия бригады должны служить примером для частей Красной Армии в освободительной войне с фашистскими захватчиками.

— Поздравляю вас, друзья, с гвардейским званием, — говорил генерал Катников. — Мы первыми из танковых частей завоевали почетное звание. Это ваша заслуга — бесстрашных рядовых воинов. Но теперь мы обязаны воевать еще лучше. Гвардеец — образец для всех. Это — сочетание силы воли, мужества, бесстрашия в борьбе с врагом и высокого воинского умения, сноровки, мастерства. Он сметлив, находчив, инициативен. Он всегда готов устремиться в самый трудный бой и победить. Это беззаветно преданный нашей партии, нашему народу человек, для которого нет непреодолимых преград в борьбе с фашистами. Вот что такое гвардеец и к чему нас обязывает это звание.

— Не подкачаем, товарищ генерал, — дружно ответили танкисты, и Александр заметил, что кое у кого даже навернулись на глаза счастливые слезы. Люди не скрывали своей радости и гордости.

«Эх, золотой у нас народ! Истинные гвардейцы, все как один».

Когда комбриг ушел, Бурда сказал:

— Ну, орлы, готовьтесь к завтрашнему дню. Покажем куроодам, как дерется советская танковая гвардия!

НЕ СОСТОЯВШИЙСЯ МАСКАРАД

Утро двенадцатого ноября выдалось ясное и морозное. Снег искрящимися пышными шапками лежал на ветвях пихт и елей. Вокруг стояла величественная нерушимая тишина. Александр, сняв полушубок и гимнастерку, с наслаждением умылся, обтерся снегом до пояса. Энергично работая полотенцем, подумал:

«Эх, красота-то какая! Тут бы с ружьишком побродить... Да только вон они, отметины осколков на стволах деревьев... А кончим с этим — найдется время и для охоты».

...Обойдя экипажи, командир убедился, что люди позавтракали, машины в порядке. Рота с какой-то особой торжественной приподнятостью ждала сигнала атаки. «Понятно: гвардейцы».

— Гвардия, по машинам! — громко скомандовал Бурда.

— Заводи!

Люди проворно скрылись внутри танков и захлопнули крышки люков.

Лес качнулся от мощного артиллерийского залпа. С веток полились тонкие струйки снега. Гул канонады неудержимо нарастал. Первой тронулась с исходных позиций боевая разведка — взвод лейтенанта Лаври-

ненко. Танки вслед за артиллерийскими залпами обрушились на Скирманово свой огонь с ходу.

И немцы ответили ливнем снарядов. Взрывы впереди атакующих боевых машин слились в сплошную черно-сизую завесу.

Бурда, которому предстояло наступать во втором эшелоне вслед за капитаном Гусевым, безотрывно наблюдал в бинокль за огнем противника, засекая его противотанковые орудия и закопанные в землю танки.

За взводом Лавриненко, поддерживая его огнем, шли два наших КВ. Снаряды сыпались на них градом, но видимого вреда не приносили. Вдруг один КВ замер, а спустя минуту черная туча дыма окутала второй.

«В чем дело? Никогда такого не бывало».

Александр еще старательнее обследовал каждую более или менее подозрительную точку местности. Нет... Ничего.

«Значит, бьют из самого села, из-за домов. Отсюда не увидишь. Но что бы это могло быть?»

Лишь после боя выяснилось, что в Скирманово, кроме обычных противотанковых пушек и танков, стояла батарея тяжелых орудий, на каждом из которых красной краской был изображен контур нашего тяжелого танка и крупно написано: «Стрелять только по КВ».

Но тщательное наблюдение за противником не пропало для командира роты даром. Осматривая кладбище, он заметил перебежавшие фигуры в красноармейских шинелях.

«Если наши, то когда они успели туда попасть? — спрашивал себя Бурда. — Ведь мотострелки только что двинулись за гусевскими машинами... Не иначе, немчура. Ну, ладно, выждем немного». На всякий случай он запросил у Гусева по радио обстановку в районе кладбища, но ответа не получил.

Под шквалом вражеского огня мотострелковый батальон залег. С фронта и с флангов по цепям нашей пехоты немцы без передышки били из блиндажей, дзотов и скрытых огневых точек. Особенно губителен был огонь со стороны кладбища.

«Ясно: маскируются под наших и хотят отсечь мотострелков от танков. Ловко, ловко придумали. Ну, ничего. Посмотрим еще, как вы запрыгаете».

— В атаку, вперед! Направление — кладбище!

— Боровик, — обращается по переговорному устройству командир к механику, — кресты видишь?

— Те, что слева? Вижу, товарищ старший лейтенант.

— Двигай к ним и дави всех, кто там подвернется.

— Есть! Понятно!

Одновременно с танком командира из лесу рванулся весь второй эшелон.

— Осколочным заряжай! — командует Бурда.

— Готово! — сразу отзывается заряжающий Тимофеев.

Нажим ногой на спуск... «Чшшик-чшшик» — откат и накат орудия... Звон падающей гильзы...

— Точно, товарищ старший лейтенант. Пушка накрылась! — глаза Тимофеева весело сверкают, но он ни на секунду не забывает своей работы и снова загоняет снаряд в казенник. Второй выстрел в щепки разносит бревенчатый накат дзота, и тут же из нескольких танков одновременно начали хлестать по врагу короткие пулеметные очереди.

«Ага, заметушились!» — Бурда видит, как огонь танковой роты сеет среди гитлеровцев панику. — Устроили «маскарад» и думали, пройдет. Зря старались. Тут на могилах вам и будет могила».

— Давай, давай, Митя, дави!

А Боровик, ворвавшись на «кладбищенскую» позицию, и без команды крушит и кромсает скрытые под снегом блиндажи и дзоты, хоронит под гусеницами перодедых захватчиков.

Семь блиндажей и четыре дзота раздавил на скирмановском кладбище танк Бурды. Мотострелкам был расчищен путь, и они двинулись вперед.

Неожиданно слева, из леса, что языком выступал у Скирманово, угрюмо урча и покачивая пушками, выползло девять вражеских танков.

— Танки слева! — указывает цель командир роты и командует по радио всем машинам: — Уничтожить!

Тут же выдвигает на выгодное место свой танк:

— Митя, влево, стань за бугорок, фронтом к лесу.

— Есть. Понял...

— Бронебойным...

— Готово!

По контратакующей группе полыхнул огонь танковых пушек. Начали «плевать» болванками и панцирники. Командир взвода лейтенант Борисов доложил, что его танк подбит. Термитные снаряды пробили башню машины комиссара батальона. Но фашистам тоже досталось. Экипаж комбата капитана Гусева уничтожил два вражеских танка. Три танка подбил Бурда. Он только было решил выскочить вперед, добивать остальных, как немецкая болванка с оглушительным скрежетом ударила в лобовую часть «тридцатьчетверки».

— Митя, дышишь?

Полуконтуженный механик старался держаться бодро:

— Нор... Нормально... Только..., вроде, заклинило.

— Что заклинило?

— Да скорость... Не лезет... проклятая...

— Ну, ты пробуй, пробуй. А мы пока с места поработаем.

«Эх, сейчас бы самый момент погнать сволочей, а тут сам маячь, как мишень», — досадовал командир.

Танк содрогнулся от нового удара.

«Ну вот, еще вlepили».

— Есть! Включилась! — обрадованно кричит Боровик. — Фрицы помогли.

— Вперед!

Идя во главе своей группы, Бурда расстреливал в упор немецкие танки, пока они не были уничтожены все до единого.

Двенадцать часов подряд длился бой за Скирманово. К исходу дня деревня полностью перешла в наши руки. Немцы потеряли здесь много живой силы, лишились двадцати одного танка, десяти противотанковых орудий, четырех тяжелых орудий, двадцати минометов. В Скирманово танкистам-гвардейцам достались большие трофеи.

Только что родившаяся танковая гвардия с честью выполнила трудную боевую задачу. Ее удар пришелся как раз по тому участку, где фашисты накапливали силы для нового прыжка к сердцу нашей Родины.

В КОЛЬЦЕ

С утра шестнадцатого ноября немцы начали генеральное наступление на Москву. С особенным упорством они таранили нашу оборону на Волоколамском направлении. Здесь, вместе с героическими частями Панфилова и Доватора, первыми приняли на себя удар и танкисты Катукова.

Гитлеровцы в первую очередь стремились овладеть селом Ново-Петровское — крупным узлом дорог на Волоколамском шоссе. Требовалось немедленно преградить им путь к железной дороге, не дать продвинуться вдоль шоссе.

Кто мог справиться с этой труднейшей задачей, где нужны были и огромная смелость, и осмотрительность, и умение вести самостоятельные действия в отрыве от главных сил?

Как всегда в таких случаях, генерал-майор Катуков, не задумываясь, послал старшего лейтенанта Бурду. Ему с четырьмя танками Т-34 и двумя ротами мотострелкового батальона предстояло вышибить немцев со станций Горюны и Матренино, занять там жесткую оборону, прикрыть направление на Ново-Петровское. Одновременно на соседнем участке переходили в контратаку конники Доватора.

...Густыми хлопьями валил снег, когда группа Бурды во второй половине дня шестнадцатого ноября с десантом пехоты на броне подошла к станции Горюны. Все вокруг сплошь затянуто синевато-белой завесой. Впереди не различишь ни одного строения.

«Это нам на руку, — размышляет Александр. — В метели-то они сразу и не разберутся, сколько на них навалится танков».

Короткая остановка. Десантники спешиваются. Командир группы в двух словах ставит задачу:

— Горюны освободить стремительной контратакой. Огонь из пушек и пулеметов вести с ходу. Бить шквально, создавать видимость крупных сил. В дальнейшем наступать на станцию Матренино и закрепиться на ее западной окраине. Десантники — в цепи за танками. Не выпустить живым ни одного фрица. По машинам!

Группа в боевом порядке ринулась за танком командира.

На этом участке немцы, видимо, никак не ожидали наших активных действий. Не закрепив позиций, они не выдержали дерзкого наскока советских танкистов. Группа Бурды уничтожила до роты пехотинцев, больше десятка бронемашин и грузовиков. Гитлеровцы бежали, оставив Горюны и Матренино, но вскоре, поняв, что перед ними небольшое подразделение, перегруппировали силы и принялись непрерывно, упорно вгрызаться в позицию группы.

Двое суток, днем и ночью, танкисты и мотострелки отражали яростные атаки. Двое суток перебрасывал Бурда свои «тридцатьчетверки» с одного угрожающего участка на другой, преграждая врагу путь на восток. Вот уже на исходе и снаряды, и горючее.

«Думают нас пополнять или нет?» — все чаще тревожится Александр.

Его настойчивые радиogramмы остаются без ответа. Должно быть, не доходят по адресу. «Удивительное дело: связь прерывается чаще всего как раз тогда, когда она особенно необходима».

За двое суток потеряно два танка. Теперь Матренино удерживают лишь танки командира группы да лейтенанта Ивченко. После очередного артоналета десятка полтора немецких танков с пехотой подползают к деревне с юга.

— Бей с левого фланга, — командует Бурда лейтенанту, — а я справа.

Укрыв свою боевую машину в полуразрушенном сарае, Александр выискивает перекрестием прицела уязвимые места панцирников, и ни один его снаряд не проходит мимо цели. Четыре выстрела — четыре вы-

веденных из строя машины. Да два уничтожил Ивченко. Но остальные не перестают наседать.

Прикрываясь развалинами домов и выпуская снаряды только наверняка, «тридцатьчетверки» медленно отходят на север. Спустя несколько минут становится известным, что противник ворвался в Горюны и перерезал шоссе в тылу группы. Единственный путь отхода оказался закрытым. Да, единственный: поля и проселочные дороги в обе стороны от шоссе сплошь усеяны противотанковыми минами.

За двое суток сильно поредели и ряды стрелков.

«Что ж, умрем за родную землю, но врагу не сдадимся, — Александр крепко сжимает кулаки, всматриваясь в наступающую вечернюю мглу. Неожиданно, сквозь хрип и треск, в наушниках послышалась команда: «Выходить в район Чесмены».

«Эх, если б хоть чуть побольше снарядов! А то ведь придется НЗ израсходовать».

В небольшой лощинке, под прикрытием охранения, командир собрал всю свою группу. Он принял решение сперва вывести пехоту и лишь потом проламываться танками. Иначе стрелки могли бы быть отрезаны от танков и уничтожены.

— Друзья! — обратился к подчиненным Бурда, — мы в кольце. Рассчитывать можем только на свои силы. Прорываться к своим будем через Горюны. Первыми пойдут стрелки. Танки поддержат огнем. У нас хорошая союзница — ночь. Действовать решительно и быстро. Атаковать бегом. Огонь из автоматов — на ходу. Уходить в лес и лесом — в Чесмены. Вывести всех до единого раненых товарищей. Помнить: взаимная выручка — закон. Всем ясно?

— Ясно! — дружно ответили бойцы.

— Поклянемся нанести удар по врагу все как один,

смело и дружно! Поклянемся не оставить в беде товарища!

— Клянемся!

— Занять исходное положение!

Когда бойцы, вначале без единого выстрела, двинулись в атаку на северную окраину Горюнов, а потом обрушили внезапный огонь по противнику в упор, немцы не сразу поняли в чем дело. А когда поняли и принялись иступленно бить из пулеметов и минометов, было уже поздно: основная часть бойцов успела укрыться в лесу.

Но когда вслед за этим танки Бурды и Ивченко, пробивая себе дорогу огнем, на максимальной скорости помчались по шоссе, их встретили противотанковые орудия. Наблюдая в прицел, Александр ничего не мог различить впереди, кроме пляшущих красных отсветов: фашисты зажгли первые дома деревни и этим ослепили танкистов. Путь обхода для танков не было.

— Сворачивай в кювет, — радирует Бурда командиру второй машины и сам становится сбоку шоссе.

Чтобы хоть как-то рассмотреть позиции немецкой артиллерии, он открыл люк и высунулся из башни. За развалинами одного дома заметил две вспышки выстрелов.

— Стороженко, корректируй огонь, — приказывает он наводчику, опускаясь на сиденье и мгновенно поворачивая пушку в намеченную точку. Таким же способом действует и Ивченко.

Гремит выстрел за выстрелом, но, заметив выполняющие вражеские танки, Бурда понимает, что эта дуэль не может продолжаться долго. Слишком неравны силы.

— Сколько осталось? — кричит он заряжающему Тимофееву.

— Три.

«Три снаряда. А патроны израсходованы все. Ну что ж, расстреляем до последнего, а потом — на таран. Все равно прорвемся».

От сильного удара снаряда по броне в машине поднимается стальная пыль. По башне барабанят осколки мин.

— Заряжай.

С одной всепоглощающей мыслью — уничтожить врага и проложить себе путь — шлет Бурда два снаряда по выдвинувшемуся вперед панцирнику и зажигает его.

«Что? Съел?» — и командир тут же выпускает последний снаряд в противотанковое орудие.

Неподалеку, слева от шоссе, качнулась какая-то зловеющая тень.

«Обходят, сволочи. Да, если б побольше снарядов!»

Неожиданно затрещало в наушниках, потом пошла зашифрованная радиограмма от командира бригады. Александр торопливо записывает ее карандашом в левую книжку.

— Товарищ старший лейтенант, Ивченко горит! — нырнув в боевое отделение, тревожно докладывает наводчик. И в тот же момент в борт танка вонзаются три снаряда, выпущенные друг за другом немецким панцирником почти в упор. Сразу с кормы потянуло жаром и удушливой гарью.

— Снять затвор пулемета! Вынуть ударник пушки! Гранаты к бою!

Откинув крышку, Александр выглянул из люка башни. Сразу увидел: к горячей машине лейтенанта Ивченко подползают немецкие автоматчики. Поднявшись над башней, он швыряет в них две «лимонки». Стороженко и Тимофеев тоже находят цели для своих

гранат. Бурда приказал экипажу спрыгнуть на землю, и сам последним покинул пылающий танк.

— Вы горите, товарищ старший лейтенант! — подбежал к нему Тимофеев и начал сбивать рукавицей огонь с полушубка сзади. Бурда увидел, что горит шерсть и на отворотах рукавов. Он упал на снег, покатился по нему и быстро загасил огонь.

— Пустяки, — отряхнулся он, поднявшись.

Не мешкая, командир собрал в стороне от шоссе всех оставшихся людей. «Надо действовать, действовать», — стучала в мозгу одна мысль. Используя ночную темноту, он послал на поиски обходных путей.

Ивченко нет с ними: его сразила автоматная очередь, едва он попытался выйти из танка.

Перед тем как двинуться отсюда на соединение к своим, Бурда еще раз взглянул в сторону горящих машин.

Жидкое пламя огня растекалось по корме его танка, по безжизненным гусеницам. Оранжевые языки яростно лизали броню. Полыхало пламя и на машине Ивченко. Бурда снял с головы танкошлем, постоял немного, как бы прощаясь с родными боевыми машинами, потом скомандовал:

— За мной, друзья!

Путь на восток был нелегким. Подстерегающие на каждом шагу вражеские засады, голод, страшная усталость после проведенного изнурительного боя, каменной глыбой лежащая на сердце скорбь о погибших товарищах, о своих горящих танках — все это делало безмерно мучительным переход маленького отряда советских воинов, бережно несших с собою тяжелораненных и обожженных. Лишь к утру набрели они на группу солдат-панфиловцев, углублявших свои окопы.

Немного передохнув и тепло попрощавшись с бой-

цами, танкисты двинулись дальше. Потребовались еще целые сутки, чтобы наконец добраться до бригады, находившейся под Ново-Петровским.

С болью в душе поведал Бурда командиру бригады о судьбе, постигшей группу, о ее невозвратимых потерях.

— Да, трудно нам приходится, Александр Федорович, тяжело, — задумчиво проговорил Катуков. — Но духом падать не будем. Не имеем права. Судя по всему, — впереди испытания посложнее. Ведь здесь — направление их главного удара. Но на то мы и гвардия. Верно?

— Гвардейцы все выдержат, товарищ генерал.

— Так и я думаю. А с задачей вы справились. Сделали все, что можно было сделать такими небольшими силами. Главное — задержали немцев, попутали им карты, сбили темп.

*Капитан А. Ф. Бурда
(1942 г.)*

...И БЫСТРОТой И НАТИСКОМ ОГНЯ

Всю вторую половину ноября враг, не взирая на огромные потери, остервенело рвался к Москве, вгрызался в нашу оборону и днем и ночью. В эти дни, ко-

мандуя группами танков, старший лейтенант Бурда много раз ходил в контратаки. Он становился веселым и как-то по-особенному жизнерадостным лишь в том случае, если получал задачу на активные действия. Тогда его смуглое, прокаленное морозами и ветрами лицо сияло, а серые с лукавинкой глаза светились нескрываемой радостью. И сам он становился весельчаком-балагуром. Глядя на него, другие командиры говорили:

— Ну, Бурда уже готовится устроить фрицам сабантуй.

Ведя оборонительные бои, танкисты Александра Бурды вместе с конниками сумели выбить немцев из деревень Чаново, Глебово и этим надежно прикрыть левый фланг армии Рокоссовского. А освободив затем населенные пункты Степаньково, Ермолино, они сняли угрозу обхода противником правого фланга этой армии.

В ночь на 29 ноября танкисты заняли рубеж в районе Баранцево, Брехово (к западу от Химок), и здесь враг не продвинулся больше ни на метр. К этому времени гитлеровская машина полностью застопорилась. Наши войска повсеместно захватывали инициативу в свои руки.

В великой московской битве назревал перелом.

Первая гвардейская танковая бригада получила задачу: с утра седьмого декабря перейти в наступление и овладеть населенными пунктами Крюково и Каменкой, чем ликвидировать один из важнейших подмосковных плацдармов противника.

Наступление!

С каким подъемом встретили эту весть советские воины после многих месяцев тяжелых оборонительных боев!

Присев у костра, разведенного в глубокой заснеженной воронке, Александр писал жене:

«Дорогая Аня!

Я сейчас царапаю, а наша артиллерия дает такой концерт, какого мы давно не слышали. Скоро двинем в атаку. Ты не представляешь, что это за радость! А то ребята прямо изныли в обороне. Как подумаешь, куда залез немец, так сразу обжигает мысль: мало я еще сделал для Родины, для вас с Женей и Светой, для матери. Но ничего. Время еще есть. Теперь мы начнем вгонять их в землю по-настоящему...»

Пятью танками, совместно с кавалерийским полком. Бурда должен был атаковать Каменку. Справа и слева также наступали подразделения бригады.

Безлошадных кавалеристов решили взять десантом на броню по двенадцать-пятнадцать человек. Так группами они и расходились по боевым машинам.

— Якши, машина, якши, — говорили кавалеристы-казахи и туркмены, взбираясь на Т-34, — ой, добрый конь!

Восторженно прищелкивая языками, бойцы по-хозяйски рассаживались на танках.

— Держитесь крепче на этом коне, — наставлял десантников Александр, — да не подпускайте близко к нему автоматчиков с гранатами.

Когда, завершая артподготовку, ударила артиллерия большой мощности, Бурда неожиданно увидел бегущего от вражеского переднего края в сторону наших танков какого-то немецкого солдата. Обвязанный женским платком, он, как заводной, размахивал руками и все повторял что-то одно и то же. С трудом удалось слышать:

— Немец капут, немец капут!

— Капут немцам! — громко крикнул Бурда из башни танка и скомандовал: — Вперед!

Боевые машины ринулись в атаку. Они устремились к селу с той стороны, где проходил овраг. Александр был уверен, что отсюда противник не ожидает нападения танков. Спустившись в овраг, группа оказалась перед крутой стеной обрыва, преграждавшей путь.

— Осколочно-фугасными! По три снаряда! — и командир, сам подавая пример, бьет из пушки прямо в обрыв. Рядом тоже гремят выстрелы, вздымаются комья мерзлой земли и вихрящиеся облака снежной пыли. Крутость взорвана, и машины выбрались наверх по проложенным проходам. Теперь оставалось проскочить завесу огня перед самой Каменкой.

— Вперед! — звучит в эфире голос Бурды. — На максимальной, без остановок!

Оставляя позади синевато-сизые клубы газов, танки на полном ходу мчатся к деревне. Старший лейтенант не почувствовал, как дважды содрогнулся корпус «тридцатьчетверки». Он только выругался, когда не смог сдвинуть башню маховичком поворотного механизма ни вправо, ни влево. «Заклинило... Вот проклятье! Что ж, будем наводить корпусом». Внезапно машину резко рвануло влево — и она замерла недвижно.

— Что там, Боровик? Живо осмотреть!

«Что-нибудь неладное с ходовой частью», — уже догадывался командир.

Командой по радио он останавливает ближайший танк. Спустя минуту механик докладывает:

— Разбиты два катка и гусеница.

— Исправить и нагнать нас в Каменке. За меня — Любушкин.

Александр бегом пересаживается в остановленную

машину и находит свою группу уже в деревне. На улицах шел жаркий бой. Немцы особенно ожесточенно били по танку КВ. Прямые попадания образовывали на его броне вмятину за вмятиной, но стальная громадина неуклонно и грозно продвигалась по главной улице поселка, разя противника.

Между двумя домами стоял вражеский танк, а неподалеку — тягач.

— Каландадзе, справа видишь? — спрашивает Бурда командира тяжелого танка.

— Вижу, все вижу, — доносится ответ, и тут же, от первого снаряда, посланного лейтенантом Каландадзе, над панцирником вспыхивает пламя. Вслед за этим советская машина смяла тягач. Спешившиеся десантники деловито выкуривали дрожащих от страха и холода гитлеровцев из всех щелей.

Александр замечает: впереди, из большого дома, в панике выбегают и, как мыши, прячутся кто куда немецкие офицеры. Похоже, штаб.

— Каландадзе, стукни в угол зеленого дома. Ты там рядом, — снова нацеливает Бурда экипаж тяжелого танка.

— Есть стукнуть, товарищ командир.

Качнувшись от удара, дом с треском оседает.

Вдруг с противоположной стороны улицы распахиваются ворота и немцы выкатывают со двора противотанковое орудие. Они торопливо наводят его в борт КВ.

— Дай длинную, — кивнул своему башнеру старший лейтенант.

Мгновенно, взхлеб, без перерыва заговорил пулемет, припечатав артиллерийскую прислугу к земле, а вскоре и сама пушка оказалась под гусеницами танка командира роты.

«Тридцатьчетверка» Бурды и КВ Каландадзе несколько раз проходили из одного конца села в другой, уничтожая живую силу и огневые средства врага. Быстро очищали деревню и танки лейтенантов Матяшина и Балсуновского.

Радость наполняла сердца танкистов, когда после освобождения Каменки из лесу, из ям и землянок к ним со слезами на глазах выходили жители. Вот упала на колени у пепелища старая женщина. Бурда подошел к ней.

— Не плачьте, мать. Каменку теперь не отдадим.

Старуха встала, снова посмотрела на обуглившиеся головешки, на одинокую, как перст, печную трубу. Потом взяла Бурду за руку:

— Зачем так долго не приходили, сынок? Замучили нас ироды, дома пожгли... А я ведь отсюда сроду не выезжала...

Александр старался успокоить женщину, но укор в ее печальных глазах мучил его. Внезапно старуха припала головой к его груди, потом выпрямилась и начала было строго:

— Если еще отходить будете...

— Не будем, мать. Ни за что не будем, — снова твердо заверил ее Бурда, с большим трудом сдерживая готовые навернуться слезы. Ему казалось, что перед ним стоит его родная мать и что это ее иссушенные горем глаза смотрят на него с тоской и надеждой.

— Мать! Вот тебе слово танкиста: недолго осталось фашистским мерзавцам сидеть на советской земле. Будем гнать их нещадно!

...После разгрома Крюковского плацдарма немцев гвардейцы-танкисты неотступно преследовали врага, ломали его сопротивление на промежуточных рубежах, с боями продвигались к Волоколамску. Мгла висела над

дорогами. Танки, окрашенные в белый цвет, сливались с пеленой снега. Впереди батальона двигался небольшой головной отряд под командованием старшего лейтенанта Лавриненко.

Арьергарды противника упорно цеплялись за каждый населенный пункт, за каждую высотку, чтобы дать время отойти своим главным силам. Артиллерийские и минометные батареи немцев держали под обстрелом пути продвижения наших ударных групп. Подходы к деревням были минированы. Но отряд Лавриненко с помощью саперов быстро преодолевал минные поля, с ходу опрокидывал вражеские заслоны, прокладывая коридор танковым батальонам, которые вели Гусев и Бурда, получивший накануне звание капитана.

А. Ф. Бурда (слева) со своими боевыми товарищами майором Ф. Я. Столярчуком и командиром взвода старшим лейтенантом Е. Луповым.

От Крюково—Каменки бригада описала короткую дугу на Павлов Посад, потом танки пошли по сугробам параллельно Волоколамскому шоссе. Прорвавшись в глубину обороны противника, батальоны под прямым углом свернули на шоссе, чтобы затем по кратчайшему направлению ударить на Волоколамск.

Танкисты всюду встречали следы действий группы Лавриненко. В поле, на дорогах, на улицах деревень, кто в маскхалатах, кто в одном нижнем белье, валялись убитые и замерзшие «завоеватели».

Озлобленное немецкое командование замыслило устроить для Лавриненко ловушку. Неподалеку от Волоколамска оно пропустило его отряд вперед, а затем быстро выдвинуло на шоссе в его тылу десять танков с противотанковыми орудиями. Отважный танкист сразу повернул свою группу обратно и повел ее навстречу вражеским танкам. Тут как раз подошел и ударил по немцам с тыла батальон Бурды.

Противник бежал, бросив на произвол судьбы часть танков и орудий.

Но спустя полчаса Дмитрия Лавриненко не стало. Возвращаясь к своей машине после получения новой боевой задачи, он был убит осколком мины. Александр Бурда потерял своего лучшего боевого друга. Тяжело переживал он вместе со всеми танкистами эту большую невосполнимую утрату. Двадцать восемь раз сходилась Дмитрий с врагом. Он сменил три машины, но за каждую из них гитлеровцы платили в семнадцать раз больше.

Здесь, под Горюнами, за свой короткий боевой путь герой-гвардеец уничтожил пятьдесят второй немецкий танк.

Штурм Волоколамска начался вечером 19 декабря. Бурда вел на город авангардный батальон. Ночью его

танкисты вместе с мотострелками первыми зацепились за окраину. Замаскированные в разных местах вражеские огневые точки выдавали себя вспышками выстрелов, трассами снарядов и пуль. Советские воины тут же накрывали их огнем из пушек, пулеметов и автоматов.

И вот танки, ведя за собою пехоту, выходят на улицы города. Стрельба становится все более разрозненной и постепенно смолкает. Впереди, на небольшой площади, тускло освещенной лунным светом, Бурда издали различает перекладину и на ней — восемь неподвижных фигур. Их слегка покачивает ветер, медленно поворачивая то в одну, то в другую сторону. Туда бегом устремляются мотострелки. Они обрубывают веревки. Последнее, что видит Александр, — это обнаженные головы солдат, склоненные над трупами замученных советских людей.

«Скорее, скорее вперед! Только вперед! До конца рассчитаться с палачами!»

К утру Волоколамск полностью был занят главными силами бригады и стрелковыми частями. Теперь вставала очередная задача прорыва так называемого Ламского рубежа обороны противника, на который гитлеровское командование возлагало большие надежды.

Заблаговременно оборудованный по реке Ламе, опирающийся на господствующие высоты и населенные пункты, превращенные в сильные опорные узлы, — этот важный укрепленный рубеж немцы решили удержать во что бы то ни стало.

Обращаясь к своему командному составу, командир оборонявшейся здесь 23-й немецкой пехотной дивизии писал:

«Позиции на р. Ламе должны защищаться до последнего человека. Под личную ответственность командира

требую, чтобы этот приказ нашего фюрера и верховного командующего был выполнен с железной энергией и беспощадной решительностью... Вопрос поставлен о нашей жизни и смерти».

Фронтальные атаки наших войск оставались безуспешными. Тогда было решено прорваться в обход левого фланга оборонительной линии укреплений противника, а затем нанести удар по центральной немецкой группировке в районе Тимково—Тимонино.

После упорных боев передовые подразделения бригады продвинулись у деревни Михайловка и нависли над оборонительным рубежом врага. Спешные, но бесплодные контратаки немцев показывали, что направление нашего удара выбрано правильно.

Требовалось развить успех на Тимково. Но эту деревню взять было нелегко. Там в подвалах домов гитлеровцы оборудовали дзоты и блиндажи. На примыкающих к деревне высотах располагалась артиллерия и минометы. Кто же поведет танки? На кого можно с уверенностью положиться? Ведь от результатов удара зависело: рухнет Ламский рубеж, где враг решил продержаться до весны, или нет?

Как всегда в трудных случаях, выбор пал на капитана Бурду.

Группе Бурды в составе пяти танков (два КВ и три Т-34) вместе со стрелковым полком предстояло атаковать деревню.

На короткой рекогносцировке Александр изучил с командиром полка все направления, высмотрел все, что можно было высмотреть на стороне противника, и договорился о взаимодействии.

— Значит, так, — подытоживал командир-танкист, — идем в обход и ударяем с тыла. Главное, вы мне разминируйте проходы и не отставайте от танков.

С началом кратковременного артиллерийского налета на немецкие позиции танки и пехота двинулись вперед. Оставляя глубокую колею в снегу, первым шел КВ сержанта Молчанова. Танкист лишь несколько часов тому назад прибыл из госпиталя и уговорил командование послать его в атаку.

— Не могу сидеть в резерве, когда рядом в плену у фрицев наши люди, — сказал он.

За Молчановым в развернутой боевой линии следовали тяжелая машина Афонина и «тридцатьчетверки» Корсуна и Семенова.

Пехота «на рысях» продвигалась за броней. Обогнув деревню, боевой порядок танков с ходу врывается на ее окраину с тыла. Танки, не останавливаясь, идут в глубь улиц. Откуда-то сзади от пехоты взлетают взрываются две ракеты. Оглянувшись, Бурда видит, как справа и слева по наступающим цепям полосуют кинжальным огнем немецкие пулеметы. Пехота лежит. Раздумывать некогда:

— Боровик, разворачивай назад вправо. Раздавить пулеметное гнездо.

Взвихрявая за собой снежную пыль, машина мчится к цели. Под гусеницей хрустит сперва один пулемет, потом и второй.

*Гвардии майор
А. Ф. Бурда (1942 г.).*

ряли немало людей и машин. Здесь при попытке эвакуировать ночью застрявший танк погиб один из самых близких боевых друзей Александра — весельчак и бесстрашный человек старший лейтенант Константин Сзмохин...

И надо же было: как раз в тот день, когда Аржанники все же удалось взять, два термитных снаряда угодили в «тридцатьчетверку» Бурды, не успевшую проскочить по гати через заболоченный участок. Вспыхнуло горючее, и пламя окутало машину. Справиться с огнем было невозможно. Пришлось снять пулемет, оставить без ударника затвор пушки и покинуть машину. Александр последним вылез из танка, отошел к стоявшим в стороне механику Боровику и наводчику Федотову. Не хватало одного человека: пулеметчика сержанта Смородинова.

— Убит? — глухо спросил он товарищей.

В сумятице боя, в дыму и огне никто не видел, что случилось с пулеметчиком. И вдруг в горящем танке послышался стон... Нельзя было терять ни секунды. В любой момент в башне танка могли взорваться снаряды. Бурда кинулся к машине. Он не ощутил, как пуля впиалась ему в плечо, как пламя опалило лицо, волосы, обожгло руки. Он не знал, что на нем горит одежда. А если бы и знал, все равно не ушел бы, пока не спас товарища. Нечем было дышать. Задыхаясь, он ощупью добрался до верхнего люка, с трудом открыл его, крикнул:

— Где ты там, Смородинов?

— Здесь я... ранен...

Бурда нагнулся в люк боевого отделения, где огонь и дым свирепствовали с еще большей силой, нежели снаружи, и только теперь понял, что левая рука у него бездействует. «Ничего, вытяну одной правой». Он под-

хватил под мышку Смородинова и вдруг почувствовал, что ему вовсе не так уж тяжело поднимать раненого. Оказалось, из танка, снизу и сбоку, командиру помогали Боровик и Федотов. Втроем они сняли Смородинова с танка, загасили друг на друге горевшую одежду. Тут подоспели санитары. Раненого, сильно обожженного Бурду, уже впадавшего в полубессознательное состояние, и пулеметчика Смородинова сразу эвакуировали в госпиталь. А Боровик и Федотов, пострадавшие поменьше, остались лечиться при медпункте бригады.

И вот теперь рана на плече затянулась, от ожогов остались только небольшие рубцы на шее, на лбу и руках, а его все держат здесь. Врачи говорят, что надо выждать, будто бы травмирована нервная система. Да никогда он не жаловался на нервную систему и не жалуется теперь. Удивительный народ, эти медики! Им, видите ли, требуется стопроцентное выздоровление человека.

Разве не ясно: почувствовать себя на сто процентов здоровым можно только в своей части, в кругу своих боевых соратников. А они — «нервная система».

Там, на фронте, его друзья по-прежнему и днем и ночью дерутся с врагом, продолжая теснить его дальше на запад. А он, капитан Бурда, должен торчать здесь? Торчать, будучи вполне здоровым человеком? Нет, он добьется, чтобы не сегодня так завтра его представили на комиссию и выписали из госпиталя.

Товарищи беспокоились о нем, часто присылали письма, рассказывали о боевых делах. Вот и сегодня сестра только что принесла ему в палату два письма. Одно — от замполита батальона Фрола Столярчука, а второе — от Ани, из дагестанской станицы Буйнакской.

Жена пишет, что живут они хороошо, дети здоровы, она работает на молокозаводе. Но Александр понимал, как туго ей сейчас приходится одной, с двумя детьми. Из этого же письма он узнал, что Алексей с семьей эвакуировался в Западную Сибирь и там работает в одном из шахтоуправлений.

Но как мать? Жива ли она? Как там в Ровеньках? Ведь сколько нужно еще времени, усилий, чтобы освободить родной Донбасс, выгнать всю фашистскую нечисть. Далеко залезли гады. Разве предполагал кто перед войной, что так все получится? Да, крепко просчитались... И во многом... Но ничего, ничего... От расплаты не уйдут...

Фрол сообщает, что бригада, как всегда, отличается в боях, высоко держит свое почетное звание.

«Ты очень нужен здесь, — пишет он. — Но если не выздоровел — лечись, подремонтируйся капитально».

Выздоровел, выздоровел, дружище! Скоро примчусь. Истосковался по ребятам.

— Что пишут? — опираясь на костыли, подошел к Александру сосед по койке, молодой лейтенант-артиллерист. У него была раздроблена кость, и после операции нога очень трудно и долго заживала. За время лечения Бурда по-настоящему сдружился с лейтенантом.

— Э, тикать надо, Павлуша, — ответил Александр. — Люди воюют, а я, здоровый человек, отлеживаюсь тут без дела.

— Зря, брат, не станут задерживать, — возразил лейтенант.

— А впрочем, может, ты и прав, — добавил он после небольшой паузы и, стуча о пол костылями, вышел из палаты.

«Жаль парня, — посмотрел ему вслед Александр. — Один как перст: жениться не успел, родители погибли при бомбежке. А больше у него никого и не было. Сколько горя принесла война людям! А до конца еще ох как далеко».

Бурда прилег на постель. Перед глазами длинной чередой проходили то воспоминания детства, то картины недавно прошедших боев. И мысль всякий раз возвращалась к одному и тому же: «Мало, мало я сделал до сих пор... Очень мало... Надо гораздо, гораздо больше...»

Его настойчивые требования об отправке на фронт в конце концов возымели действие. На следующий день утром сестра его обрадовала:

— Александр Федорович! Пойдемте, я проведу вас на медкомиссию.

— Вот это деловой разговор, — просиял Александр. Он быстро собрался и пошел за нею по длинным коридорам в ординаторскую, где скоро должна была решиться его судьба.

Около часа водили его от одного врача к другому. Требовали закрывать глаза, вытягивать руки, стоя на одной ноге, стукали, слушали так, что Александр в конце концов возненавидел эту большую белую комнату и мысленно поклялся больше не попадать сюда.

Комиссия решила предоставить ему отпуск, но Бурда наотрез отказался.

— Выписывайте меня в часть. Поеду только туда.

Председатель комиссии, пожилой подполковник медицинской службы, внимательно посмотрел на Александра:

— Что ж, раз у вас такая твердая решимость...

Пока оформлялись документы, Бурда написал жену ответ:

«Здравствуй, дорогая Аня!

Здравствуйте, милые дети Женя и Света!

Я жив, здоров. Сегодня выхожу из госпиталя. Все в норме. Рад страшно: скоро опять увижу боевых друзей.

Мы побывали в разных переделках, но и фрицам тоже дали прикурить. Под Москвой они узнали почем фунт лиха. Впереди — новые жаркие бои. Но мы припомним им и родной Донбасс, и Украину, и Белоруссию. Как бы они ни кичились, все равно мы их разобьем. Недаром в нашей гвардейской песне поется:

Мы смело в бой идем и побеждаем.
Наш порох сух, снаряда точен лет.
Броня крепка и сердце крепче стали,
И путь один у гвардии: вперед!

Вот такая у нас боевая песня.

Женя и Света, будьте умными, слушайте маму.

Желаю вам здоровья и бодрости. Всех вас целую и обнимаю крепко, крепко.

Пишите почаще».

Александр запечатал письмо в конверт и опустил его в почтовый ящик.

Уходя на вокзал, он в последний раз оглянулся назад.

«Прощай госпиталь! Спасибо за все, хоть твои стены и надоели до чертиков».

Бурда застал свою бригаду отведенной во фронтовой тыл. Командир бригады генерал Катукоев с нескрываемой радостью крепко обнял Александра, как родного сына.

— Значит, снова обрел боевую форму, гвардеец! — генерал осмотрел его с головы до ног. — Ну, молодцом, молодцом.

Он усадил капитана с собой за стол, на котором вышлся зеркально-сияющий, пышущий паром самовар.

— Ну а мы только вчера прибыли сюда,—продолжал Катуков. — Принимай, Александр Федорович, второй батальон. Готовь людей. Работки хватит на двадцать пять часов в сутки. Экипажей и машин будет полная штатная численность. Много придет новичков. Так что—засучивай рукава. А потом по первой команде—на фронт. Ты как, вполне окреп? Не сбежал раньше времени? Только честно!..

— Что вы, товарищ генерал! Все в норме! — с нарочито обиженным видом Бурда привстал со стула, но Катуков усадил его обратно.

— Ну, добро, добро. Верю, — весело посмотрел Катуков на офицера.—Давай пить чай, а то остынет. Тогда нам с тобой попадет от хозяйки...

А потом пошли недели напряженной боевой учебы, недели кропотливой работы с людьми.

В ТЫЛ ВРАГА

Шел последний месяц сорок второго года.

Танковый корпус держал участок Калининского фронта под городом Белым. Он прибыл сюда еще осенью. А летом Первая гвардейская бригада успешно провела трудные оборонительные бои севернее Ливен.

Как истинный ветеран своей славной части Бурда неизменно оставался в рядах бригады, а ныне был в:

рядах нового корпуса. Два месяца назад он принял танковый полк, который за этот срок уже выполнил немало сложных задач.

И вот теперь гвардии майор Бурда, минуту назад вернувшийся на свой КП от командира корпуса генерала Катукова, напряженно обдумывал новую, только что полученную задачу. Предстояло нечто необычное: совершить рейд в глубокий тыл врага. На первый взгляд, сложного и неожиданного тут ничего не было. Наши разведчики-лыжники не раз проникали на много километров за оборонительный рубеж противника и благополучно возвращались. Но теперь шла речь о рейде не разведывательной группы, а целого полка, да еще со средствами усиления. В памяти майора как-то сам собой поминутно всплывал разговор с командиром корпуса.

Генерал предельно ясно изложил цель операции:

— Еще с лета некоторые наши стрелковые и кавалерийские подразделения, пытавшиеся наступать, оказались отрезанными в районе Ржевского выступа. Сейчас декабрь, а люди сидят в лесах в летнем обмундировании и без пищи. Больные и раненые — без всякой медицинской помощи. Представляешь? Тебе и поручается вырвать людей из беды, привести их с собой.

Бурда знал, что сейчас, в морозы, немцы всячески жмутся к населенным пунктам, и потому в линии их фронта кое-где попадаются небольшие разрывы, неприкрытые участки. Но отыскать коридор для полка? Удастся ли?

— Дело осложняется тем, — говорил Катукوف, — что мы не знаем точно, где находятся окруженцы. Ведь прошло почти полгода. А сведения у нас отрывочные и малодостоверные. Придется тебе поискать. И основательно. Сумеешь?

— Найдем, товарищ генерал, — Александр зримо представил себе всю бедственность положения советских воинов, очутившихся по ту сторону фронта, и твердо повторил: — Найдем и приведем. Туда, я думаю, проберемся через этот лес, — Бурда указал на зеленое пятно на карте, — а вот оттуда... Расшевелим мы их здорово. Захлопнут они все дырки, да еще определенно сядут на хвост. Одному вряд ли прорваться.

— Место выхода выберем по обстановке. Ударим навстречу. Ясно? Главное, держи связь по радио.

— Ясно, товарищ генерал.

— Выступление завтра в ночь. Медикаменты и продовольствие будут доставлены через два часа. К этому же времени получите и десантников. Остающееся время использовать для разведки и подготовки людей. Остальное — в письменном приказе.

— Есть! Разрешите идти?

— Ну, Александр Федорович, я уверен, что справишься, — генерал поднялся и, крепко пожимая руку офицеру, долго смотрел в его глаза с какой-то отцовской нежностью. — Но зря не рискуй. Помни главное: ты должен спасти людей.

И вот отправлена разведка на поиски наиболее подходящего прохода через лес. Командирам рот и штабу отдано предварительное распоряжение о подготовке к боевому походу. Условия и возможные варианты действий во вражеском тылу в подробностях обсуждены и с заместителем командира полка по политической части майором Дьяченко.

Утром на коротком митинге приказ был объявлен всем и вокруг танков закипела горячая работа. На корпус каждого танка экипажи и десантники грузили дополнительно к боекомплекту ящики со снарядами.

Надежно приторачивали к бортам брезентовые мешки с теплым обмундированием, консервами и медикаментами, закрепляли дополнительные бачки с топливом, укладывали лыжи.

Короткий отдых.

Подъем.

Последняя перед выходом сверка часов—и, укутавшись поземкой, полк ушел в ночь, в тревожную мглу, в неизвестность...

Колонна движется час, два, три... Пока—ни единого выстрела. Разведка, действующая впереди и на флангах, противника не встречает. Значит — проскочили.

Вокруг настороженно застыл темный лес.

«Благо, широкая просека, — всматриваясь вперед, размышляет командир полка, — дай-то бог, чтобы она не скоро кончилась».

— Прошел, все нормально, — радирует он на КП корпуса. «Фрицы побаиваются леса: оставили пустым. А может, это только здесь. В деревне-то, конечно, оно теплей... Ну, да ничего: недолго осталось им в наших деревьях хозяйничать».

С каждым часом все дальше на запад углубляется отряд. С Большой земли ежечасно запрашивают: «Как там у вас?», — и получают неизменный ответ: «По-прежнему».

Прошла ночь, уже на исходе день, а полк все так же, укрытый безбрежным лесным массивом, упорно пробивается к цели.

К цели?

Но где она, эта цель? Далеко ли еще до нее? А может, она осталась в стороне? Может, ее давно миновали? И разумно ли вот так, на авось, тащить всю массу машин, пожирать горючее, не давать отдыха людям? Ведь этак совсем немудрено сесть на мель без горю-

чего и превратиться в неподвижную мишень для фашистов. Нет, так дальше не пойдет.

— Стой!

Отряд располагается боевым лагерем недалеко от края леса. Машины рассредоточиваются повзводно. Организуется сторожевое охранение, намечаются посты наблюдения за наземным и воздушным противником. И во все стороны — лучами — разведывательные дозоры лыжников. Обследование окрестностей ведется всю ночь, методически, последовательно.

Перед утром одна группа разведчиков неожиданно приводит старика. Крепкий и неторопливый, с красноватым продубленным стужей и ветрами лицом, в полушубке, валенках неопределенного цвета — старик кажется органической, естественной частью этого леса. Бурда и замполит Дьяченко с интересом рассматривают гостя.

— Товарищ майор, лесника случайно обнаружили, — докладывает сержант, командир дозора, — только вам и хочет что-то рассказать:

— Что, дед, так здесь и остался? И немца не боишься? — спрашивает Бурда.

— На что мне уходить-то? — у старика сиплый, приглушенный голос, — я думаю, наши ненадолго ушли. Вон и летом было погнали немца. Да, правда, он, сволочь, опять поднапер. А теперь вишь — снова свои. Глядишь, мы со старухой еще пригодимся.

— Ну а фрицы появляются? — интересуется Дьяченко. От всей его высокой фигуры, внимательных серых глаз так и веет спокойствием, уравновешенностью.

— Мы их, проклятых, только издали видим. Они от дороги — ни на шаг.

— Скажи, дед, а из наших солдат, что летом проходили, ты теперь в лесу никого не встречаешь?

Бурда протягивает ему открытый портсигар. Лесник осторожно берет одну папиросу, прикуривает, жадно затягивается.

— Благодарствую. Были. Были наши. Неделю назад.

У командира и замполита перехватывает дыхание. Боясь помешать собеседнику, они ждут молча и напряженно.

— Заходили. Двое и сейчас в нашей сторожке лежат. Больные они. Старая доглядает.

— Ну, а те, остальные где? — не выдерживает Бурда.

— В другое место подались. Пойдем, покажу куда.

За опушкой старик показал на темнеющий невдалеке клин соседней рощи. Его отделяло широкое белое поле, пересеченное проселочной дорогой.

— Там большой овраг. В нем и зимуют.

— Как тебя зовут-то, дед? — кладет ему руку на плечо замполит.

— Додонов я, Иван Матвеевич.

— Ну, Иван Матвейч, доведешь нас до этого оврага?

— А почему ж, коль надо. Дело нехитрое.

Стало смеркаться. Едва Бурда, Дьяченко и лесник вошли снова в лес, с северо-востока послышался нарастающий гул моторов.

Вскоре примчался на лыжах дозорный. Он с трудом переводил дыхание:

— Танки и автомашины... Скоро выскочат на дорогу... В тыл идут.

— Тревога! — прозвучал, повторяемый эхом, голос командира полка.

— Тревога! Тревога! — дублировали дежурные портам.

— Что-то давненько ихние танки тут не ходили, — размышлял вслух Додонов.

— Давненько, говоришь? — Бурда быстро оценивал обстановку. У него уже складывалось решение. Пока танки выдвинутся к опушке, надо поставить задачи ротным,

— Командиров рот — ко мне!

— Иван Матвейч, подожди пока здесь. С нами поедешь на танке?

— Добре. Дело нехитрое...

— Ну, как думаешь, комиссар, — подходя к крайним деревьям, советуется командир с замполитом, — не идут ли они громить отрезанное войско? А?

— Не исключено...

— Так вот, я с полком ударю по колонне, а ты бери старика и с одной ротой по-над лесом проберись к нашим, вытаскивай их сюда. В темноте тебя не заметят. Обрато тронем пока тем же маршрутом, а там видно будет. Договорились?

— Хорошо. А к больным в сторожку я уже послал врача. Здесь никого не оставим.

— Ну, действуй.

— Ты тут смотри, не зарывайся, — Дьяченко на прощанье жмет руку командиру.

По дороге, что примерно в полтора километрах от опушки, уже громыхают десятка три немецких панцирников. За ними, буксируя минометы и орудия, катят грузовики с пехотой.

Бурда решает дать половине вражеской танковой колонны втянуться в лес и тогда уничтожить остальную ее половину и всю пехоту. Он прикинул, что головным немецким танкам нелегко будет ринуться назад.

Кратко указав направления для рот, Бурда повел полк на врага. Метров с двухсот «тридцатьчетверки»

ударил из всех пушек и тут же врезались в гущу автомашин. Немцы не успели отцепить ни пушек, ни минометов. Грузовики с разбитыми кузовами и кабинами, со сплюсненными каркасами для тентов, переворачиваясь, летели в сторону от дороги и там оставались неподвижно лежать на боку.

Из разбитой легковой машины выскочил немецкий офицер и, проваливаясь в сугробах, но не переставая отстреливаться, бросился прямо в поле.

— Взять живым! — приказывает Бурда десанникам своего танка. Он спрыгивает на землю и сам организует погоню. Двоих направляет справа, троих — слева, а сам, с пистолетом наготове, бежит в центре.

— Стой! Хальт!

В ответ — выстрел, и, споткнувшись, один автоматчик падает лицом в снег.

«А-а, собака!..» — командир, не останавливаясь, вскидывает пистолет. Коротко хлопает выстрел.

«Ну, делился в руку. Неужели не попал?»

Гитлеровец, пройдя три шага, сваливается, как подрубленный. Отлетает в сторону парабеллум.

— Под лопатку, товарищ майор, — говорит солдат, первым подбежавший к раненому.

«Плохо, плохо, брат, — укоряет себя Александр, — видно, не выживет. Какой же ты после этого стрелок?»

Немец оказался майором, начальником штаба полка. Он едва дышал, но говорить еще мог. С большим трудом удалось от него узнать, что полк переходил в район Льгова, имея попутную задачу ликвидировать остатки отрезанных советских войск. На его карте это место обозначалось кружком. Оно чуть не совпадало с тем, что указал старик. Больше немец ничего не успел сказать. «Значит, своевременно мы подоспели», — удовлетворенно подумал Бурда и оглянулся вокруг.

Разрозненные кучки уцелевших вражеских солдат пытаются удирать, но их всюду настигают пулеметные очереди. Больше десятка панцирников, не успевших втянуться в лес, остались стоять с проломанными бочками. Головные немецкие танки так и не остановились — они спасались бегством.

«Ну вот, кажется, и ликвидировали ликвидаторов. Теперь немедленно готовить отход».

— Гавришко, — останавливается Бурда у танка командира первой роты, — быстро выдвинуть вперед по дороге один танковый взвод в засаду. Задача: прикрыть наш отход. Взводу сниматься после команды по радио. Следовать за нами по старому маршруту.

— Есть, товарищ гвардии майор.

Своему динамичному, сообразительному начальнику штаба старшему лейтенанту Василевскому и полковому врачу командир отряда отдал всех автоматчиков-десантников.

— Проверьте район, отмеченный на немецкой штабной карте. Отыщите людей и вместе с Дьяченко, ни минуты не задерживаясь, предупреждаю — ни минуты! — переводите всех на место нашей первой стоянки. Потом пройдем еще немного в глубь леса, там окажем медицинскую помощь. Задержимся — накроют с воздуха.

Спустя несколько минут отряд лыжников во главе с Василевским проскрипел по снежному насту и растворился в темноте. Через три часа к району сбора цепочкой потянулись те, за кем пришел танковый полк. Вид их был страшен: потемневшие, исхудалые, шелушащиеся лица, черные одеревенелые пальцы рук, обмороженные ноги, вывернутые и натянутые на уши пилотки. Одежда — порванные гимнастерки, самое разнообразное тряпье. Ноги едва обуты. Кто, еле двигаясь,

опирался на товарищей, кто, падая и снова поднимаясь, упорно брел сам, отказываясь от помощи.

В душе каждого танкиста все это рождало тяжелое гнетущее чувство. Люди бросились раздавать попавшим в беду бойцам привезенные с собою полушубки, валенки, одеяла, консервы. Каждый чем мог делился с товарищами. Самоотверженно трудились медики.

В соседнем лесу, откуда ушли наши люди, с оглушительным рывканьем начинают рваться тяжелые мины.

— Зашевелились. Трогаем, комиссар?

Бурда заранее выстроил танки в колонну.

— Трогаем, — соглашается Дьяченко.

Тяжело больные и раненые погружены на машины. При них — фельдшеры и санинструкторы.

Выдвинутый для перекрытия лесной дороги, танковый взвод получил команду отходить, сдерживая противника, не давая ему проникнуть к главным силам. Весь следующий день отряд то попадал под бомбежку и артиллерийский обстрел, то отражал нападение немецких автоматчиков.

Чем ближе к участку прорыва, тем все более и более накалялась обстановка. Враг решил во что бы то ни стало уничтожить действующую в его тылу группу. Лихорадочно торопясь, он затягивал вокруг нее петлю. Но по рубежу прорыва, расчищая коридор, со всей силой ударила наша мощная артиллерия. Ее огонь надежно оградил фланги возвращающегося из рейда полка. Навстречу ему двинулась заранее стоявшая наготове танковая бригада, которая двумя направлениями повела за собой отряд Бурды. С остервенением пикируют «юнкеры», справа и слева не прекращается гром вражеских орудий. Но уже поздно. Пролом не закрыть, мышеловку не захлопнуть.

Александр дожидается, пока пройдут последние вызволенные бойцы. Пропускает мимо себя арьергардный танковый взвод. И лишь потом трогает сам. «Кажется, прошли все. Ну вот и вытащили почти тысячу человек».

Неожиданно от удара снаряда танк задымил. Корму начали лизать языки пламени. Огнетушители оказались бессильными. Едва Бурда приоткрыл люк башни, сразу в лицо больно ударил огонь.

— Боровик, стукни дерево впереди! — задыхаясь от жары, прохрипел командир.

— Понял. Выполняю.

Машину сильно тряхнуло, и сверху, шурша, грузно плюхнулась на танк огромная шапка снега. Прихлопнутое, мгновенно сникает пламя. На броне остаются только шипящие пузырьки.

— Погоняй! Все в порядке.

При каждом повороте головы Александр все острее ощущает боль на шее и подбородке.

«Вот черт! Подгорел. Ну, ничего, переживем».

Не верилось, что мучительный поход — позади.

Сердце командира полка наполнило ни с чем не сравнимое ощущение боевого счастья. Счастья, которое рождается доказанной на деле верностью советских воинов высокому и святому закону боевой дружбы и взаимной выручки.

И, удовлетворенный сознанием до конца выполненного долга, он ни слова не возразил командиру корпуса, когда тот, крепко обняв и поблагодарив своего бесстрашного питомца, приказал немедленно ехать в госпиталь.

«ТИГРЫ» НЕ ПРОЙДУТ

Третье военное лето...

Гвардии подполковник Александр Федорович Бурда командует уже танковой бригадой. Она входит в один из корпусов Первой танковой армии гвардии генерал-лейтенанта танковых войск Михаила Ефимовича Катукова. Танковая армия! Да, советские вооруженные силы имели теперь в своем составе такие мощные объединения. Партия, весь советский народ давали фронту новую боевую технику во все более и более возрастающих размерах.

Маневренные, высокоподвижные, обладающие могучей пробивной силой, танковые армии призваны были сыграть большую роль в новых решающих схватках с врагом. А в том, что приближается срок таких решающих схваток, ни у кого не оставалось сомнений.

В 1943 году гитлеровская армия, несмотря на огромные потери, понесенные у волжской твердыни, по-прежнему представляла собой большую силу, способную предпринять наступление на одном из стратегических направлений.

Пользуясь отсутствием второго фронта в Европе и проведя тотальную мобилизацию, гитлеровское командование пополнило свои дивизии и подготовило крупное наступление на Курской дуге. Свои ударные группировки оно сконцентрировало на узких участках фронта. Основная ставка делалась на массированное применение новых тяжелых танков «тигр» и «пантера».

Советское Верховное Главнокомандование своевременно вскрыло планы гитлеровского командования.

Перед советскими войсками была поставлена задача: упорной обороной измотать и обескровить ударные группировки противника, а затем решительным контр-

наступлением полностью разгромить их.

В оборону под Курском, в числе других, была заблаговременно выведена и Первая танковая армия. Она развернулась на второй полосе, в тылу общевойсковой армии. Танки были поставлены в окопы и надежно замаскированы.

Танкисты Бурды занимали рубеж рядом с другой танковой бригадой, оседлавшей шоссе Белгород—Обоянь. Многие недели, вплоть до 4 июля, с танкистами проводились разнообразные учения, стрельбы, тренировки. Экипажи изо дня в день учились поражать немецкий тяжелый танк «тигр» и его уязвимые места. Непрерывно совершенствовались навыки в стрельбе с ходу, чтобы в нужный момент нанести точный удар по врагу.

— Надо приноровиться бить «тигра» в борт, — говорил Александр Бурда своим воинам. — Целить в баки с горючим, в ходовую часть. И не думайте, что длинноствольная пушка дает ему одни только выгоды. Верно, калибр солидный — 88 миллиметров. И начальная скорость снаряда сумасшедшая. Все так. Но ведь такую пушку дольше поворачивать, дольше наводить в цель. Вот ты и сумей первым сделать выстрел, да с близкой дистанции, да туда, куда надо. Помните, как в нашей

Комиссар 1-го танкового батальона А. С. Загудаев.

армейской газете сказано: «Тигр», конечно, не овечка, но и он горит, как свечка».

...4 июля. Немилосердно жжет солнце. Воздух раскален и недвижим.

После только что закончившегося учения Александр вместе с начальником политотдела бригады подполковником Боярским укрылся в прохладном блиндаже командного пункта.

— Ну, как думаешь, Алексей Семеньч, — расстегнув ворот гимнастерки, задумчиво спрашивает Боярского Бурда, — где мы, по-твоему, будем к концу года? — И сам же отвечает:

— Я уверен, уже освободим Украину и Белоруссию... Вот если бы нас бросили на Донбасс! Знаешь, как хотелось бы самому помочь освободить родные места!.. Как там с матерью, ничего не известно...

Они помолчали, закурили.

— Вряд ли попадем так далеко на юг, — проговорил Боярский. — Да, по-моему, и не в том суть. Всюду наша родная земля.

— Нам только бы вырваться на простор да развернуться, а там пойдём — не удержишь.

— Да, простор... Но мне, Александр Федорович, хотелось бы сказать тебе одну вещь.

— Какую? Давай, выкладывай.

— Больно уж ты часто рискуешь. Шутка ли, девять танков сменил. Сколько раз и горел, и взрывался на минах. Нельзя же так.

— Э, дорогой, в бою всякое случается. Ну горел, так что? Все-таки вот воюю. А ее, этой войны, впереди представляешь сколько?

— Вот-вот. К тому и говорю. Надо быть осмотрительней. Ты ведь командир бригады.

— Знаю. Но уж как получится, так и получится.

Обстановка сама диктует. Смотри, что они стянули к намеченным участкам, — Бурда развернул карту, на которой синими овалами были обозначены районы расположения вражеских танковых дивизий. — В общей сложности девятнадцать дивизий. Около полутора тысяч танков, две с половиной тысячи орудий и минометов, более четверти миллиона живой силы. Плотно, правда? Но и у нас кое-что есть. Это, брат, не сорок первый год. Но все равно будет жарко. Жарче, чем когда бы то ни было раньше.

— Похоже на то, — согласился Боярский, отправляясь в роты проверить выпуск боевых листов.

В ночь на 5 июля советская артиллерия провела мощную контрподготовку. Огневые удары застали немецкие войска сосредоточенными в исходных районах. Противник понес ощутимые потери в живой силе и технике, планомерность подготовки его наступления оказалась нарушенной.

До начала боевых действий во всех танковых подразделениях бригады состоялись партийные и комсомольские собрания. Страстным призывом к победе звучали речи выступавших на собраниях солдат, сержантов, политработников, командиров. Десятки лучших воинов — комсомольцев вступили в ряды Коммунистической партии.

В 6 часов утра на Белгородском направлении немцы перешли в наступление. Атаке танков и пехоты предшествовали массированные удары авиации и артиллерии. В этот день основную тяжесть нечеловечески трудных испытаний приняли на себя наши пехотинцы и артиллеристы войск первого эшелона. На степном просторе, в глубоких оврагах, на холмах, в деревнях, ставших военными объектами, развертывалось невиданное по масштабам и напряженности сражение.

Враг не жалел сил. Стремясь прорвать нашу оборону на Обояньском шоссе, он бросил в атаку на узком фронте более ста танков и дивизию пехоты. Но наша пехота и расчеты противотанковых орудий недаром настойчиво овладевали искусством уничтожения вражеских боевых машин. Артиллеристы и экипажи танков поддержки пехоты хладнокровно подпускали немецкие тяжелые машины вплотную и расстреливали их в упор. Пехотинцы подрывали панцирники гранатами и поджигали бутылками с горючей смесью. Это было дьявольски трудно и рискованно. Но наши воины с честью выполнили свой долг. В течение 5 июля гитлеровцы ничего не добились. Их незначительное продвижение ни в коей мере не искупало огромных потерь в живой силе и технике.

А в это время танкисты Александра Бурды уверенно стояли на своих позициях в глубине обороны, готовые в любой момент не на жизнь, а на смерть сразиться с зарвавшимся врагом. Командир так расположил свою бригаду, чтобы в случае вклинения немецких танков основной огонь пришелся по флангам их боевого порядка. Каждый час командиры батальонов получали от Бурды дополнительные данные о противнике.

Еще и еще раз тщательно согласовывались совместные действия мотопехоты, артиллерии и танков, уточнялись варианты отражения атак противника. Впереди лежащая местность хорошо просматривалась в перископы и танковые прицелы.

Бурда к вечеру обошел экипажи ближайшего к Обояньскому шоссе батальона.

— Расстояния до ориентиров промерили? — спрашивал он. — Как поддерживать друг друга огнем договорились?

— Все в полном порядке, товарищ гвардии подполковник.

— А как вообще настроение? Скоро фриц и на нас поперет.

— Пускай прет, если ему жизнь надоела, — отвечали воины.

— Помните главное: бить по бортам, — еще раз наставлял командир. — По «тиграм», идущим на вас, будет стрелять другая группа наших танков. А вам надо громить панцирники, когда они полезут на ту группу и подставят свои бока. Вот у нас и получится перекрестный огонь, взаимное прикрытие. Только уж тут поворачиваться надо по-настоящему. Ясно?

— Ясно. Зажмем «тигров».

Ранним утром 6 июля немцы предприняли новую попытку протаранить своими танками нашу оборону на участке соседнего с бригадой Бурды соединения. Сражение продолжалось всю первую половину дня, но успеха противнику не принесло. Потеряв 74 танка разных типов и убедившись, что прорваться здесь не удастся, гитлеровцы решили изменить направление удара. Теперь они обрушили крупные танковые силы правее и... напоролись на танковую гвардию Александра Бурды.

Воздух наполнился воем моторов вражеских самолетов, грохотом разрывов бомб и снарядов, свистом осколков. Земля застонала, заохала.

Наша оборона молчала. Люди укрылись в окопах и щелях. За противником следили только дежурные наблюдатели. Артиллерия немцев перенесла огонь в глубь нашей обороны. Впереди, на гребне холмов, показалась волна вражеских танков.

«Не меньше сотни», — прикидывает Бурда, не отрываясь от перископа.

В первом эшелоне, зловеще покачивая длинноствольными пушками, шли «тигры». Вслед за ними двигались самоходные орудия «фердинанды», а дальше — все остальные танки. «Тигры» с ревом ползли вперед, маневрируя среди оврагов, швыряя пока наугад свои крупнокалиберные снаряды. Развернутый строй фашистских машин постепенно придвигал свой правый фланг к огненным позициям артиллерийского дивизиона бригады.

— Не упустите момент, — передал Бурда командиру дивизиона.

Вражеский танковый вал прошел еще метров двести и тогда заговорили орудия дивизиона. Заговорили яростным ураганным огнем. То там, то здесь вспыхивали огромные костры—горели «тигры» и «фердинанды».

— Ну вот, не так страшен черт, — вслух заметил Бурда, находившийся на своем НП. Увидев, что часть немецких танков разворачивается фронтом на позиции дивизиона, он коротко скомандовал по радио командиру правофлангового танкового батальона капитану Федоренко:

— Огонь!

Теперь выстрелы обороняющихся загрели с другого направления, выводя из строя вражеские боевые машины одну за другой.

Фашисты пытались еще немного маневрировать, но, потеряв половину танков, откатились.

— Видал? Не понравилось! — повернулся Бурда к стоявшему тут же Боярскому.—А ведь бригада не вся включена в бой. Сколько на твоих? Семнадцать? Ну вот, а они примерно к этому времени рассчитывали быть в Курске. Да-а, пшик у них получился. Но все равно они от своей мысли не откажутся. Так и знай, скоро снова полезут. Комаров! — подозвал он к себе на-

чальника боепитания: — Быстренько подбрось батальону Федоренко бронейных.

— Есть! — козырнул тот и помчался к стоявшему неподалеку тягачу, на котором были ящики с боеприпасами.

— Молодцы! Действовали отлично! — передал Бурда по радио во все подразделения бригады. — Усилить наблюдение. Держать на прицеле каждый ориентир. Бить без промаха!

Как и предполагал командир, расшвырявшие гитлеровцы вызвали на позицию бригады свою авиацию и ураганный огонь артиллерии.

И снова из-за холмов показались тупорылые «тигры» и «фердинанды». На этот раз боевой порядок врага вдвое плотнее. На бригаду шло не менее двухсот танков. Триста вражеских боевых машин одновременно таранили оборону соседа справа.

Рокот самолетов, разрывы бомб, яростная артиллерийская стрельба, рев моторов танков — все сливалось в один сплошной непрекращающийся грозный и тяжкий гул.

За второй вражеской атакой последовали третья и четвертая... Облака пыли и дыма непроницаемой стеной застилала поле боя. Порою казалось совершенно немыслимым разобраться в происходящем. Но у Александра Бурды ни на минуту не прерывалась связь с батальонами. Он уверенно и твердо держал нити управления в своих руках и, быстро улавливая изменения в обстановке, направлял действия командиров в нужную сторону. Сочетая огонь с места с действиями маневренных групп, бригада гранитной скалой стояла на пути гитлеровских танковых масс.

Танкисты, артиллеристы и бронейщики хладнокровно встречали врага огнем в упор, подбивали и жгли

фашистские танки, уничтожали пушки и истребляли гитлеровских головорезов.

Об эту стойкость советских воинов разбивались все бешеные попытки врага прорваться на север. Гвардейцы держались так же твердо и непоколебимо, как прежде держались под Орлом, потом под Москвой, потом под Ливнами.

Самоотверженно действовал каждый человек. Вот командир танка комсомолец Борис Павлович. Он смело пошел на сближение с вражескими «тиграми» и, используя преимущества своего танка Т-34 в маневренности, поджег по очереди три «тигра», потом разбил шесть немецких орудий с прислугой.

К 19 часам бригада Бурды уничтожила 70 танков, много орудий и другой боевой техники врага.

На следующий день немецкое наступление возобновилось ровно в три часа утра. Враг решил приложить все силы, чтобы прорвать нашу оборону, и двинул на узком участке фронта огромное количество боевых машин — более 500, — в том числе много тяжелых. В воздухе третий день непрерывно висели группы немецких самолетов и ежеминутно бомбили, бомбили. В каждую воронку от тяжелой бомбы мог уйти с башней танк Т-34. Третий день неистовствует фашистская артиллерия и минометы. Непрекращающийся, страшной силы грохот сотрясает воздух, оупляет мозг, иссушает душу. Остервенелый натиск врага, несмотря на героическое, доходящее до самопожертвования сопротивление наших воинов, создавал угрожающее положение. Немцам удавалось, хотя и медленно, продвигаться вперед. Они заняли одну из деревень.

«Тигры» разворачивались строем на обратных скалах высот и неслись вперед, ведя огонь с ходу и в моменты коротких остановок.

Но вот скрытно выдвинулся из глубины и подлетел с группой танков к флангу боевого порядка противника Александр Бурда. Нанес врагу молниеносный огневой удар, собрал в кулак силы отошедших было мотострелков — защитников рубежа, и снова вернул деревню.

В ходе дальнейших многодневных кровопролитных оборонительных боев бригада, находясь во втором эшелоне армии, в нужный момент всегда появлялась там, где создавалась наиболее критическая обстановка.

В ожесточенных схватках с врагом особенно отличились батальоны Федоренко и Сорокина, взводы Бражника и Фомичева и многие танковые экипажи. Лейтенант Бражник, лично уничтоживший четыре «тигра», делился в перерыве между боями с командиром бригады:

— Трудней всего заставить себя принять первый бой с «тигром», а страшнее всего было, когда первые снаряды не взяли его... А когда увидел своими глазами, как он горит, — ну, тут все! Сразу вспомнил ваши слова, что, мол, и «тигр» горит, как свеча. Тут уже одно только чувство остается — охотничье: ищи, лови в прицел и бей, как зверюгу.

— Ну а время ты ему не проигрывал? — спросил Бурда.

— Э, если бы проиграл, то сейчас бы не стоял рядом с вами, — усмехнулся лейтенант. — С «тигром» — не зевай. Секундное дело: или ты его упредил, или он тебя... Кто выиграл секунду — тому жить, а кто проиграл... пеняй на себя. Вот и вся арифметика.

— Верно, Бражник, верно. Чуть появится у нас возможность — ты о своем опыте пополнению поподробнее расскажешь. Идет?

— Можно...

— Вот и договорились.

...Ценой огромных усилий и жертв противнику удалось потеснить наши войска на Обояньском направлении на 15—35 километров. Дальнейшее его продвижение окончательно застопорилось. Попытка гитлеровцев совершить танками обходный маневр к Курску через Прохоровку также закончилась для них провалом. Теперь для врага начиналось самое страшное — контрнаступление советских войск...

ЖИВАЯ НАУКА «СТАРой» ГВАРДИИ

В неглубоком овраге, в тени молоденького дубняка, перед Александром Бурдой тесным кружком расположились танкисты, прибывшие в бригаду на пополнение. На них — новенькие комбинезоны, без единого пятнышка танкошлемы. Может быть, уже через несколько часов они пойдут в атаку.

В эти дни Первая танковая армия вместе с другими частями и соединениями Воронежского фронта упорно продвигалась вперед, отвоевывая у противника одну позицию за другой. Поставлена задача: выйти на рубеж, который советские войска занимали до 5 июля, чтобы потом, именно с этого рубежа, начать решительное общее наступление. Вот и сейчас «старая» танковая гвардия только что сшибла противника с двух важных в тактическом отношении высот, на которых сразу же закрепилась пехота.

У Бурды выдалось свободное полчаса, и он решил без промедления использовать их для беседы с новичками. Хитроватым прищуренным взглядом окинул он сидящую вокруг молодежь и спросил:

— Ну как, народ, довольны, что в нашу армию попали?

— Довольны, очень, — отвечает несколько голосов.

— А знаете, что это за армия?

— Знаем, слышали.

— Вот то-то и оно, что «слыхали». А надо знать по-настоящему. То, что я сейчас буду рассказывать, крепко мотайте себе на ус. Вон посмотрите-ка на тот танк, — Александр показал на стоявшую неподалеку, тщательно замаскированную «тридцатьчетверку», возле которой деловито хлопотал экипаж. — Там командиром гвардии лейтенант Бражник. Он одним своим танком напал на немецкую танковую колонну и уничтожил четыре «тигра». За каких-нибудь десять минут четыре «тигра» сжег, представляете? А ведь немцы всюду раструбили, что их «тигр» неуязвим и что он будет щелкать танки противника, как орешки. А тут оказалось наоборот: наш гвардеец щелкал их, как орешки. Его же машина осталась неповрежденной. Вот как воюют истинные гвардейцы. Но Бражник после меня подробней вам расскажет о боевых делах своего экипажа. Я же говорю лишь к тому, чтобы вы лучше уяснили, в какую часть попали, что здесь за люди.

У наших танкистов есть основной закон, который вы должны накрепко запомнить. Это такой закон: «Где гвардейцы обороняются, там немцу не пройти, где гвардейцы наступают, там немцу не уйти». Усвоено?

— Усвоено. Правильный закон.

— Кто из вас совсем еще не воевал? Поднимите руки.

Поднялось несколько рук.

— Так вот что я вам скажу, — продолжал командир бригады. — С самого что ни на есть первоначально сосредоточьтесь на одной-единственной мысли: убить

*Гвардии подполковник
Ф. Е. Столярчук, комиссар
2-го батальона гвардейской
танковой бригады.*

врага. Перед нами стоят эсэсовские танковые дивизии, а в них — самые отъявленные гитлеровские мерзавцы. Сколько горя, сколько зла причинили они нашему народу! Действуйте на поле боя так, как вас учили. Забыть о страхе, отбросить любые сомнения. А если все же почувствуете, что немного страшновато, тогда вспомните, что фрицу за его броней еще страшней. Он понимает, что так или иначе ему скоро капут. К тому же и броня у них не очень надежная. Не то что советская. Сколько раз наши снаряды прямо проламывали ее. Так что гитлеровцам в

тех коробках совсем невесело. А ты сходишь раза два в атаку, да еще отличишься, — будешь драться уже спокойнее... Всегда держи себя в руках. Как бы ни было тяжело — не вешай носа, не впадай в уныние. Потом, глядя на тебя, твой же товарищ скажет: «Вот герой! Всегда добрый, спокойный, уверенный. Надо и мне подтянуться».

В бою могут, конечно, и ранить, и убить. Всякое бывает. На то и бой. Но ты себя обязан беречь. Помирать не имеешь права, пока, по крайней мере, не уничтожишь двадцать фашистских танков. Это тоже закон нашей гвардии: одну жизнь своего воина мы ценим в двадцать гитлеровских. Не меньше.

В бою зря люк не открывай, из башни не высовывайся. Иначе погибнешь глупой, бесславной смертью и ничего, кроме досады и горечи, не оставишь в сердцах товарищей. В общем, воюй с умом.

Всегда и везде веди разведку, изучай местность, все примечай, следи — не подкрадывается ли к тебе откуда-нибудь проклятый «тигр» или «пантера». Тронулся в атаку — тут уж тем более — смотри в оба, а зри — в три. Бери на заметку каждый кустик, каждый бугорок, следи за противником, не забывай наблюдать за соседями, давать целеуказания, докладывать обо всем замеченном командиру. И без передышки веди огонь с ходу, умело маневрируй. Ну а если подозреваешь за каким-нибудь холмиком противотанковую пушку или еще что-то в этом роде — зря туда не прись. Пусть лучше кто-нибудь из экипажа выскочит через аварийный люк, подползет к тому месту да все обследует, вот тогда и с машиной можно двигать. Но и тут опять будь осмотрительным и бдительным. Есть такая поговорка: «Кто осмотрительным бывает, тому судьба помогает». А я бы сказал — не судьба, а сам такой человек себе помогает. Верно или нет, как по-вашему?

— Верно.

— Теперь дальше. Остановился ты на месте — сразу принимайся окапывать машину, готовь данные для стрельбы, наметь ориентиры, приготовься уничтожать врага, как только он перед тобой появится. И не только перед тобой. Предположим, он на твоего соседа наседает, а не на тебя, что будешь делать?

— Вести огонь.

— Правильно. Помощь в бою товарищу, соседу — одна из первейших заповедей танкистов. «Все за одного, один за всех» — это тоже наш святой закон. А с ним связано требование: в бою равняться на тех, кто

вперед. И наши «старички» никогда не изменяют этому правилу, какой бы сложной ни была обстановка.

Припоминаю такой случай. Это было в прошлом году, на другом участке фронта. Одну деревню, которая находилась перед нами, немцы превратили в узел сопротивления. Минные поля, дзоты, завеса артиллерийского и минометного огня преграждали путь нашим гяги наступавшим танкам. Четыре машины отошли в лоцину, но пятая, младшего лейтенанта комсомольца Бондарева, вырвалась далеко вперед. Это был риск, помноженный на разумный расчет: ошеломить врага дерзостью, проложить путь товарищам. Бондарев стремительно вел свою машину в атаку. Поднимая за собой до неба снежный вихрь, промчался танк через минное поле. Скорость была такая, что мины взрывались позади танка. Бондарев давил вражеские огневые точки, гусеницами разворотил блиндаж, «прочесал» из пушки и пулемета деревню и вылетел к новому, еще более укрепленному пункту. Тут Бондарева ранило. Но и раненый командир повел свой танк во вторую атаку. «Нас поддержат товарищи», — сказал Бондарев экипажу.

И он не ошибся. Четыре танка шли за ним следом. Деревню взяли. Подоспевшая пехота закрепила отвоеванный рубеж. Бондарев был награжден орденом.

Вот что значит смелые, дерзкие действия в бою и постоянное равнение наших экипажей на тех, кто впереди.

Взаимная выручка, помощь товарищу, попавшему в беду, — в бою первейшая обязанность каждого. Еще Суворов говорил: «Сам погибай, а товарища выручай».

Хочу рассказать еще об одном случае. Вам будет очень полезно знать. Однажды в бою под Ливнами был подбит танк младшего лейтенанта Федотова, оказавшийся

в некотором отрыве от остальных наших боевых машин. Надвигался вечер, бой начинал затихать, и немцы попытались захватить экипаж подбитой машины в плен. Они, как саранча, облепили броню неподвижного танка, стучали прикладами в люки, требовали сдаваться.

Командир другого танка сержант Дуванов случайно заметил из своего укрытия тяжелое положение своих товарищей. Огнем пулемета он мгновенно перебил фашистов, наседавших на боевую машину. Потом быстро подошел на своем танке, взял подбитую машину на буксир и вывел из зоны обстрела. Так был спасен экипаж и поврежденный танк.

Всегда самоотверженно, без колебаний надо идти на выручку друг другу.

Теперь давайте разберем, как поступить, если твою машину подбили. Это может произойти при самых разнообразных условиях. Поэтому, конечно, заранее невозможно, да и нет смысла давать какие-то определенные рецепты. Один случай редко бывает похож на другой. Но одно надо все же запомнить твердо: не спеши уходить с поля боя. Отведи машину в укрытие, постарайся своими силами восстановить ее, и после снова в бой. А не удалось устранить повреждение, приложи все усилия к тому, чтобы вывести из опасной зоны или обороняться на месте, но во что бы то ни стало спасти машину.

Однажды у нас в ночном бою подбитый танк остался на ничейной территории. Немцы его держат под огнем и не дают приблизиться нашему тягачу, чтобы захватить машину. Так хлопцы просидели в танке и обороняли его от фашистских автоматчиков почти всю ночь. Потом все же удалось с удлиненным тросом ползком добраться до этой машины и увести ее из-под носа

гитлеровцев. А то был случай: экипаж целую неделю сидел в танке, в сорока метрах от фрицев, на полметра в воде. И ничего, все-таки выручили их.

Вот как надо любить и беречь свою боевую машину. Словом, так, друзья: действуйте инициативно, смело, находчиво, осмотрительно и умно. Тогда никакой противник перед вами не устоит! Конечно, враг сильный и хитрый. Не вздумайте его недооценивать. Надо мобилизовать все свои душевные силы, всю волю, все умение, все навыки, быть в бою поворотливым и изворотливым, чтобы победить такого врага. Это всем ясно?

— Ясно! — дружно ответили молодые воины.

— Теперь два слова о том, как ловчее «тигра» уничтожить, — продолжал командир бригады. — Тут требуется большая выдержка, хладнокровие, смелость и умение быстро маневрировать. «Тигра» старайся бить с близкой дистанции и в борт. Но и сам не подставляй свою машину под его выстрел. Изловчился, ударил ты с одной стороны — сразу отскочи. Есть укрытие — лучше в укрытие. Потом налети с другого боку, а там, глядишь, приноровишься ударить и с кормы. Не давай немцу опомниться. «Тигр» велик, да молоповоротлив. А твой танк и сильный, и верткий. На «тридцатьчетверке» можно «тигра» как угодно обскакать. Только вовремя уходи в укрытие и всякий раз поражай с нового направления. Не давай ему прицелиться в тебя, а бей первым. Вот кратенько и вся наука. А теперь гвардии лейтенант — кивнул он головой на подошедшего Бражника, — расскажет вам, как он охотился за «тиграми». Сумеете действовать точно так же, значит оправдаете звание гвардейцев. Приступайте, Бражник.

...От молодых солдат командир бригады направился к командарму, генералу Катухову, за получением новой боевой задачи.

...К 23 июля войска Воронежского фронта, отбрасывая захватчиков, выполнили ближайшую задачу и вышли на рубеж, где стояли до перехода противника в наступление.

4 августа мощной артиллерийской и авиационной подготовкой открылось наше генеральное наступление на Белгородско—Харьковском направлении, наступление, потрясшее всю оборону южного крыла немецкого Восточного фронта.

В первый же день в бой для расширения прорыва были введены танковые армии Катукова и Ротмистрова. Советские войска взломали оборону врага на фронте протяжением 170 километров. Наши подвижные соединения стремительно ринулись вперед, с ходу освобождая населенные пункты, захватывая большое число пленных, боевую технику врага, его склады. 5 августа был освобожден Белгород, а 7 августа танкисты Александра Бурды, действовавшие на другом направлении, одними из первых ворвались в Богодухов.

Гитлеровское командование спешно выдвинуло из глубины три танковых дивизии и предприняло контрудар южнее Богодухова. Здесь, в схватке с немецкими танками, Бурда получил тяжелое ранение и был эвакуирован в госпиталь.

«МИНУТОЙ МОЛЧАНЬЯ ПОЧТИТ ЗЕМЛЯ...»

В декабре 1943 года на правобережье Украины развернулось ожесточенное сражение с противником, стремившимся во что бы то ни стало вернуть утраченные выгодные позиции на рубеже Днепра. Подтянув значи-

тельные танковые силы и перейдя в контрнаступление, немцы снова захватили освобожденные нами города Житомир, Коростышев, Радомышль, Брусилон.

В упорнейших оборонительных боях советские войска изматывали и обескровливали отборные вражеские танковые дивизии, рвавшиеся к столице Украины—Киеву. Одновременно на правобережье с востока выдвигались крупные резервы советских войск, предназначенные для новых наступательных операций. В числе этих резервов во второй половине декабря темными ночами через села и леса Киевщины двигались и бронированные колонны 1-й гвардейской танковой армии.

24 декабря на немецкую правобережную группировку обрушился разящий удар войск 1-го Украинского фронта. Отбрасывая врага, наши войска освободили десятки городов, в том числе Житомир, Бердичев, Белую Церковь.

Части Первой гвардейской наступали на южном крыле фронта и, ломая сопротивление противника, продвигались на Винницу. Бригада гвардии подполковника Александра Бурды шла в армейском резерве, готовая в любой момент ринуться в сражение.

Командир бригады, недавно вернувшийся из госпиталя, зорко следил за развитием событий. Он сгорал от нетерпения поскорее окунуться в гущу боевых действий. «И чего тянут?—спрашивал он себя.—Знаю, нельзя без резервов. Но ведь именно теперь самая пора пускать нас вперед. Это же ясно».

Он понимал, что, видимо, дело идет к тому, чтобы захлопнуть в мышеловку те вражеские дивизии, которые изо всех сил цепляются за выступ у Канева и Корсунь-Шевченковского.

«Немец тоже это чувствует. Потому и кидается в контр-

атаки, как ошалелый. Говорят, Гитлер даже перебро-сил сюда «пантеры» и «тигры», предназначенные для Африки. Похоже, тут нам придется как следует попо-теть».

Александр еще не знал тогда, что передовой отряд армии, в котором действовал танковый полк его боево-го друга гвардии подполковника Ивана Бойко (впослед-ствии дважды удостоенного звания Героя Советского Союза), был контратакован в районе Жмеринки — Гни-вани подошедшим из глубины бронетанковым корпу-сом противника и попал в тяжелое положение. Неся большие потери, полк пробивался назад, на восток. Именно в этот момент заждавшемуся командиру ре-зерва и была поставлена боевая задача. Бригаде пред-стояло повернуть на юг и атаковать в направлении Ли-повец с целью прикрыть отход передового отряда.

В первой же стычке под Липовцами танкисты Бур-ды встретились с «тиграми» и «пантерами». Несмотря на численное превосходство врага, бригада успешно выполнила поставленную перед ней задачу. Затем она сразу же была переброшена в район западнее Цыбуле-ва, где нажим танков врага был особенно сильным. Там, прикрывая левый фланг наших ударных группи-ровок, бригада несколько суток подряд вела непрерыв-ные тяжелые бои с наседавшим противником. Силы бригады таяли, а вражеские силы день ото дня нара-стали.

К утру 25 января сорок четвертого года командный пункт бригады оказался в полуокружении. Все коман-диры батальонов тревожно доносили о больших поте-рях. Мрачные, выкрашенные в желтый цвет враже-ские стальные машины появлялись перед фронтом, на флангах и в тылу наших танковых подразделений. Ста-раясь не подходить на близкую дистанцию, они

выбрав момент, вели губительный огонь и тут же укрывались в складках местности.

Хотя старшим начальникам было известно о положении бригады, Бурда знал: подкрепления ему сейчас дать не могут, нельзя ослаблять ударную группировку, которая переходит в большое наступление.

Штаб и подразделения управления со всеми документами и штабными машинами Александр заблаговременно отправил в тыл, за пределы возможного кольца окружения.

Здесь, на командном пункте, с ним оставалось всего два танка.

— Держаться до последнего. Бить из засад! — отдает Александр по радио приказание командирам батальонов.

«Надо проверить, где прорываться», — решает он. Но в какую бы сторону от деревни ни выскочил он на своем танке, всюду в отдалении маячили темные контуры притаившихся вражеских машин.

«Да, окружен... Что ж, если не вырвемся, дешево жизнь не отдадим. Гвардия умеет умирать».

Бурда поставил свой танк рядом с полуразрушенным сараем. Поблизости, метрах в тридцати, стоял в укрытии и второй танк. Наблюдая в бинокль с крыши сарая, Александр заметил, как в направлении деревни двинулись в развернутом строю фашистские танки. «Двенадцать, — быстро подсчитал он. — Одни «пантеры». Ну, будем встречать».

— Прямо танки! К бою! — командир бригады сам занимает место за рычагами машины.

«Быстрее смогу маневрировать».

— Держись, орлы! Стрелять наверняка! — бросает он своему экипажу.

— От меня не отставать! — кричит командир эки-

пажу другой «тридцатьчетверки» и плотно прикрывает за собой крышку люка.

Коротким броском, вдоль дворов, танки выходят во фланг «пантерам». Тут же, на окраине Цыбулево, становятся в укрытие.

«Выждать. Подпустить поближе... Так. Самый раз».

— Попов, огонь!

Гремит один выстрел, второй. Два панцирника остановились, как вкопанные. Над одним вырастает столб дыма. Остальные сразу расходятся в стороны, укрываясь за первыми попавшимися бугорками. Вдруг из-за поворота дороги вынырнул мотоцикл с коляской.

На полном ходу он летел к деревне, прямо на виду у противника. За ним вдоль дороги вырастали султанчики разрывов.

«Офицер связи, — догадывается Александр. — Снесут, подлецы».

— Иду прикрыть мотоцикл. Огонь с ходу, без перерыва.

Взлетая на неровностях, Т-34 птицей устремляется навстречу мотоциклу. Зайдя справа, танк загораживает его своим корпусом, и на мгновение обе машины останавливаются.

Внезапно раздался удар огромной силы: прямое попадание болванки в борт. Отлетевший внутри машины

*Начальник политотдела
бригады подполковник
А. С. Боярский.*

кусок брони вонзился Александру в бок и прошел сквозь живот. Командир тихо охнул и до крови закусил губу от нечеловеческой боли.

Неподвижный советский танк не переставал вести огонь. Дым окутал еще одну «пантеру». Остальные начали пятиться назад.

— Молодцы... ребята... — шептал Бурда.

С противоположного конца села, бросками переходя от укрытия к укрытию, к «пантерам» приближалось несколько наших танков.

— Товарищ командир, подмога! — радостно кричит по переговорному устройству башнер.

Еще один удар — и на корме машины вспыхивает пламя. Ветер забрасывает удушливую гарь в башню, в отделение управления.

— Товарищ командир!..

— Хлопцы... — с трудом выдавливая Александр.

— Батьку, батьку спасать! — Попов вместе с друзьями выскочил из башни.

Танкисты, осторожно поддерживая своего командира, вытащили его из машины. Бурда проговорил еле слышно:

— Ну... друзья... воюйте... добивайте собак... А я... свое отвоевал...

Спустя час его не стало.

Офицер-гвардеец до конца остался верен своему долгу: он умер, спасая товарища.

...И вот, 28 января сорок четвертого года, в городке Ружине, через который пролегал боевой путь Александра летом сорок первого и который теперь был освобожден его бригадой, боевые друзья простились со своим героем-командиром.

— Товарищи! — обратился к воинам начальник политотдела бригады гвардии подполковник Боярский. —

Мы провожаем в последний путь славного сына донецкой земли, бесстрашного советского офицера, ветерана танковой гвардии. Все в нем было гвардейское: слово, улыбка, приказ. Дерзость, помноженная на холодный расчет, — вот что всегда отличало его в бою. Тепло, отеческая забота — вот с чем он всегда шел к своим соратникам, рядовым воинам. Светлый образ Александра Федоровича Бурды никогда не изгладится в наших сердцах. Родина, за свободу и счастье которой он, не колеблясь, отдал свою жизнь, никогда не забудет его имени. Поклонимся полной мерой отомстить фашистским извергам за смерть верного патриота Отчизны, нашего любимого боевого друга!

— Клянемся! — прозвучал суровый ответ танкистов.

Отзвучали залпы. В глубоком скорбном молчании воины надели на головы прокопченные шлемы. На площадь вполз тягач и, глухо урча, втянул на свежий земляной холм багрово-оранжевый остов обгорелого танка...

А за окраиной городка вокруг него лежала безбрежная украинская земля, опаленная дыханием вой-

Дважды Герой Советского Союза гвардии полковник И. Н. Бойко, принявший бригаду после гибели А. Ф. Бурды. Под его командованием бригада участвовала во взятии Берлина.

ны, покрытая черным снегом. Пахло гарью. Дым повис над пепелищем ближнего села. Вдали гулко ухало и гремело. Черные обломки пушек, автомашин, застывших с проломанными боками, рыжие контуры «пантер» и «тигров» виднелись всюду, куда ни глянешь. Заходящее солнце кинуло из-под пенно-белых, мирно плывущих облаков пучок ослепительных лучей. И танк-ветеран, вставший на городской площади, засветился.

— По машинам! — пронеслась команда.

Экипажи быстро и четко заняли свои места. Каждый танкист уносил в сердце огромную, неизмеримую печаль. И каждый был полон решимости как можно скорее схватиться с врагом.

Воины продолжали свой трудный боевой путь на запад. И с ними шел, как живой, их беззаветно храбрый командир, шахтер, гвардеец Александр Федорович Бурда, человек высокой души.

И ныне те, кто прошел через огонь войны к полной победе над врагом и теперь разделяет вместе со всем советским народом радость наших великих мирных свершений, наших подвигов на земле и в космосе, могут сказать словами поэта:

...Будут ракеты мчаться, пыля,
в крошечной межзвездной мгле...
Минутой молчанья

почтит земля

...Тех
кто мечту согревая в груди,
не ждал

готовых дорог,
а в трудные дни
ступенькою
лег
на общем нашем пути.

СОДЕРЖАНИЕ

Младший брат	3
Армейские будни	12
Война	20
К логову Гудериана	33
Под Мценском	42
Первые из танковой гвардии	48
Не состоявшийся «Маскарад»	58
В кольцо	62
...И быстротой и натиском огня	69
«Все в норме»	83
В тыл врага	89
«Тигры» не пройдут	100
Живая наука «старой гвардии»	110
«Минутой молчанья почтит земля...»	117

Редактор

Е. А. Терекон

Художник

В. М. Харламов

Художественный редактор

К. М. Чернявский

Технический редактор

А. А. Тимошевская

Корректоры

Ю. Лебедева.

Т. И. Белошицкая

Рафтопулло Анатолий Анатольевич
Королев Всеволод Степанович

СЫН ДОНЕЦКОЙ ЗЕМЛИ

БП 09068. Сдано в набор 25. XII-63 г. Подписано к печати
14. III. 64 г. Бумага $70 \times 108 \frac{1}{32}$. Бум. л. 2,0. Печ л. 5,48.
Уч.-изд. л. 5,5. Заказ № 248. Тираж 9000 экз. Цена 17 коп.

Областная книжная типография, г. Донецк, Пастуховская, 26.